

"Чемодан"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Марк Арно

Чемодан

ГЛАВА I

Джованни Мартелло вышел из лифта, сделал несколько шагов и остановился, чтобы неторопливо закурить.

В тот час в огромном мраморном холле «Мандарина» было немногочленно. Десяток европейцев, несколько китайцев с птичьими голосами и группа деловых японцев. Последние собирались покинуть отель в сопровождении двух очаровательных переводчиц, чтобы нанести традиционный визит в местные ночные клубы.

Ни одного знакомого лица...

Попыхивая сигаретой, Мартелло направился к выходу. Гигантского роста усатый индус-швейцар с хитроумно закрученным тюрбаном на голове распахнул дверь. Мартелло ответил на его приветствие кивком и спустился по ступенькам на тротуар Копнаут Роуд.

После кондиционированной атмосферы отеля он словно попал в самую жаркую парную и тотчас стал задыхаться. Небрежным жестом отправил сигарету в водосточный колодец и зашагал в сторону центрального почтамта.

Высотные дома вдоль моря сверкали сотнями огней неоновых реклам. Потоки разноцветного света обрушивались на уличную толпу, спешащих пешеходов и автомобили. Ночь не умерила шума бурлящего города. Непереносимый гвалт давил на уши.

Пройдя с полсотни метров, Мартелло свернул на Педдер Стрит, затем на Ви Роуд. Он как будто заинтересовался роскошными витринами «Пасифик энд Ориентал», закурил новую сигарету и зашагал вдоль ярко освещенных магазинов.

На первый взгляд за ним никто не следовал, но все же, зная, как трудно разглядеть «хвост» в толпе азиатов, Мартелло ещё несколько раз останавливался.

Товары, выставленные в витринах, блистали ценами, исключавшими любую конкуренцию, часто не выше тридцати процентов от тех, что приняты в странах-производителях. Найти там можно было абсолютно все, от швейцарских часов или японского фотоаппарата до французской парфюмерии лучших сортов.

Но лишь одно интересовало Мартелло: не следует ли кто-нибудь за ним. Перейдя улицу, он укрылся под сводами торговой галереи, позволявшей выйти на Куин Роуд почти напротив чрезмерно разукрашенного здания «Чайна Эмпориум».

Излишне одутловатый для своих сорока лет, с массивным лицом и посеребренными висками, Джованни Мартелло был крупноват для мальтийца, и потому возвышался над большинством китайцев на добрых полголовы. К тому же на фоне их простых рубах его прекрасно сшитый по фигуре бежевый тропический костюм был виден ещё издали. Его трудно было потерять из виду, даже на расстоянии.

На самом деле Мартелло не думал, что кто-нибудь за ним следит. Но осторожность не помешает...

Увидев свободного рикшу, он остановил его, устроился на пластиковое сидение и назвал адрес. Китаец принялся крутить педали, что-то при этом насвистывая.

Вытирая лицо, Мартелло обернулся, чтобы удостовериться, что никто не последовал за ними.

Воздух был удушающим, плотным, вязким, насыщенным тяжелыми и стойкими запахами, застоявшимися в закоулках или поднимавшимися над сточными канавами. Местами создавалось впечатление, что плывешь в аквариуме, полном миазмов.

Мартелло поморщился. Ароматы Востока, нечего сказать...

Если Гонконг по-китайски означает «Благоуханная гавань» то это явно восходило к тем временам, когда остров в бухте Кинтон насчитывал всего несколько хижин рыбаков да горстку пиратских джонок.

В наши дни «Благоуханная гавань» предлагает тем, кто спускается с корабля, вонь мазута, тления, грязи, застарелой пыли и кишмя кишит людьми, которым не хватает воды. Ничего лакомого для деликатных ноздрей. Порт, похожий на любой другой...

Между тем неточно и несправедливо ставить Гонконг в один ряд с другими портовыми городами Дальнего Востока. Если гавань и не соответствует своему прелестному названию, она все же остается одной из лучших в мире.

Чтобы убедиться в этом, достаточно подняться на вершину пика Виктории и насладиться несравненным зрелищем острова и его окрестностей, окруженных холмами с кобальтовым отблеском. Видимый с высоты залив принимает раз за разом то небесно-голубой, то зеленовато-изумрудный цвет, на котором выделяются сотни парусов джонок колера опавших листьев.

На другом берегу залива расположен Коулун, город Девяти Драконов, относящийся к континентальному Китаю. А между берегами шныряют десятки катеров, китайских плоскодонок и прочих ржавых консервных банок, пеня волну между стоящими на якорях лайнерами, пакетботами или военными кораблями VII американского флота.

В глубине, за окружающими холмами, залитыми багряным закатом, начинается угрожающая громада красного Китая. Последние свободные города, примостившиеся у края коммунистического колосса, Гонконг и Коулун, сохранили образ жизни, исчезнувший в огне революции. И теперь миллионы беглецов оседают на утесе с миллионным населением, где разжег в прошлом веке опиумную войну авантюрист Уильям Жарден, прозванный Старой хромоногой крысой.

Но лишь с наступлением ночи Гонконг предстает во всем блеске. Темнота скрывает пыль и грязь, прячет кварталы трущоб, лепящиеся по склонам холмов. И в заливе возникает, словно бросивший якорь великолепный корабль, город, сверкающий беспрестанно обновляющимися искусственными огнями, где каждый всполох стремится превзойти другие.

Джованни Мартелло как раз спрашивал себя, на сколько ещё лет хватит у Мао терпения, когда рикша свернул в улочки, ведущие к порту.

Всю дорогу Мартелло оглядывался, но так и не заметил ничего подозрительного. Приказав рикше остановиться, сунул ему купюру и зашагал в сторону бухты, где в воде отражалось мерцающее многоцветье рекламы.

Неподалеку находилась пристань для «виллы-валлы»-катерков, служивших морским такси. Мартелло спустился по скользким от влаги ступеням и прыгнул в первый попавшийся.

— Коулун Паблик Пьер, — бросил он, усаживаясь.

«Вилла-валла» вмещал до шести пассажиров, но цена оставалась одной и той же. Рулевой-китаец повторил место назначения, чтобы избежать ошибки, и запустил мотор. Катер медленно отошел от причала, прежде, чем устремится на полной скорости к середине бухты.

Десятки судов сновали в проливе, отделяющем остров от континента: большие пузатые джонки с перепончатыми парусами, подобными крыльям летучих мышей, медленные, окрашенные в темные цвета китайские лодчонки, узкие и низко сидящие на воде, скоростные катера, сигнальные огни которых словно исполняли танец светлячков. Несколько грузовых судов и огромный американский авианосец сияли в полных огнях на рейде.

«Вилла-валла» не потребовалось и десяти минут, чтобы достичь набережной Коулун на стрелке полуострова. Мартелло расплатился и сошел на берег, направляясь к автостоянке между пристанью Стар Ферри и высоким, викторианского стиля, зданием железнодорожного вокзала Коулун-Кантон.

Тарахтящая и пританцовывающая толпа кипела на площади, выгружаясь из автобусов, чтобы тут же загрузить паромы и паромчики, спующие по бухте. Шум стоял невероятный.

Пробежав глазами по бурлящей человеческой массе, Мартелло пытался узнать человека, который должен был его ждать. Он прибыл вовремя, но не в состоянии был отличить муравья от муравья в муравейнике.

Для него все эти чертовы китайцы были похожи друг на друга, словно братья. Вдобавок ночные отблески от яркого, мерцающего люминисцентного водопада огней рекламы сводили с ума.

Китаец, с которым было назначено свидание, вдруг появился рядом, не дав ему прийти в себя. Он был в простых холщовых штанах и полотняной рубашке, в сандалиях, с застывшей на лице улыбкой, одновременно вежливой и непроницаемой.

Уже не в первый раз приходя на встречу, Мартелло до сих пор не мог сказать уверенно, что это именно тот, кто нужен. Впрочем, вот маленький шрам в форме звезды, внизу на шее... Но попробуй его разгляди...

— Меня зовут Хав-Чан, — просюсюкал тот на манер флейты. — Если вы изволите последовать за мной...

Джованни Мартелло превосходил азиата ростом на целую голову, но опыт научил его не поддаваться заблуждениям. У восточных народов очень часто степень опасности обратно пропорциональна их росту. И Хав-Чан был живым подтверждением этого: с виду просто мешок костей, только кости эти покрыты были жилистыми и твердыми как сталь мускулами.

Когда китаец направился к пристани Стар Ферри, Мартелло счел уместным кое-что уточнить.

— Куда мы идем? Было договорено, что встреча пройдет в Коулуне, как в последний раз.

Хав-Чан вежливо поклонился.

— Небольшое изменение произошло в последний момент, объяснил он. Лучше не встречаться

часто в одном и том же месте.

Мартелло был готов потребовать объяснений, но передумал. Какова бы ни была причина изменения программы, налет полиции или что-то другое, китаец без сомнения уйдет от ответа. Объяснять он не обязан, его дело-проводить до места.

— Ладно... — буркнул Мартелло.

Паром только что причалил. Они поднялись на борт.

Вместе с ними на судно грузилась живописная толпа убогих кули, рабочих, лоточников, изможденных женщин и кричащих детей. Палубы стремительно заполнялись группами людей всех видов, одеяний и ароматов.

Переполненная до краев посуда покинула причал и стала прокладывать путь среди скопища лодчонок, рассыпавшихся перед ней от настойчивых звуков её сирены.

Оба не проронили ни слова. Говорить им было не о чем.

Уже не впервые Мартелло приходилось доверяться сопровождающему, Хав-Чану или другому, но каждый раз у него сосало под ложечкой. Долларовое содержимое его бумажника хоть кого толкнет на крайние меры, если о нем станет известно. У него, конечно, был пистолет в кобуре подмышкой, но обойма-то не бездонная. А китайцев...

Нет, Мартелло не боялся. Он повидал всякое, о чем и не расскажешь. Просто он жалел, что Лам Фу-Чен считал необходимым устраивать такого рода комедию каждый раз при подписании контракта. Куда проще встретиться для деловых переговоров в одном из салонов «Мандарина» или «Хилтона»! Но у Лам Фу-Чена, несомненно, были свои причины для таких предосторожностей, и не все с ним можно было обсудить при свете дня. Не говоря о британской полиции, немало людей мечтали о том дне, когда смогут занять его место.

Паром вновь причалил к «Стар Ферри Пьер» в Гонконге, почти напротив импозантного сверхсовременного билдинга рядом с «Мандарином». Вытирая пот с лица и шеи, Мартелло подумал, стоило ли тратить столько сил, чтобы вернуться к месту отправления. Но в конце концов...

Он пошел следом за Хав-Чаном, прокладывая себе дорогу сквозь толпу спускающихся по трапу соплеменников. Вместо такси на причале ждали полуголые рикши. Двое из них по знаку китайца вскочили, подхватили оглобли своих колясок, торопливо приблизились и согнулись в поклоне, призывая занять места.

На их потных лицах кожа туго обтягивала кости, руки были едва ли толще оглобель. В отличие от более удачливых коллег, обзаведшихся велоколясками, эти обходились собственными ногами.

Хав-Чан назвал адрес, и рикши пустились в путь, с натугой тронув с места. Ноги их, обутые в уродливые каучуковые сандалии, казалось, летели, не касаясь земли. Вскоре бег их стал размеренным и спокойным, и они направились к китайскому кварталу Ванчай.

Уличное движение становилось менее интенсивным. Мартелло бросил вокруг оценивающий взгляд, пытаясь запомнить дорогу. Тротуары были забиты все той же пестрой толпой, слоняющейся от бара к бару, или по всевозможным торговым лавкам. Рикши и торговцы съестным вразнос пронзительно кричали, зазывая клиентов. Все радиоприемники работали на

полную мощь. Десятки проституток в коротких юбочках приставали к одиноким мужчинам или подвыпившим матросам.

За китайским театром на Хеннеси Роуд оба рикши повернули на узенькую невзрачную улочку и остановились, пробежав по ней не больше десятка метров.

Хав-Чан спустился на землю, Мартелло последовал за ним.

— Скоро будем на месте, — сообщил китаец, расплачиваясь с рикшами.

Его близко посаженные глаза под сросшимися бровями, казалось, с иронией смотрят на блестящее от пота лицо Мартелло, но лицо оставалось непроницаемым.

— Сюда, пожалуйста...

Они пошли вверх по улице. Потом Хав-Чан повернул налево, во тьму переулка между магазинчиком торговца фонариками и аптекарской лавкой, полной всяческих флакончиков.

Метров через пятнадцать он свернул ещё в один такой же закоулок, еще более узкий и темный. Затем в третий. Здесь дома образовали настоящий лабиринт.

Магазинчики сменились глухими, грязным, сочащимися сыростью стенами. На скользкой и неровной мостовой валялись отбросы. Там и сям в проемах виднелись поникшие фигуры. Отсюда было так далеко до главных артерий центра, залитых светом и обрамленных роскошными магазинами...

Мартелло прижал руку к груди, чтобы почувствовать ободряющую тяжесть оружия. Слабое утешение. Если китайцы собрались устроить западню, он будет лежать с дюжиной ножей в теле, не успев и шевельнуть рукой.

Хав-Чан остановился перед каким-то входом, потом сделал несколько шагов внутрь. В глубине виднелась дверь. Он условным стуком постучал, и она тотчас открылась.

Очень слабый свет освещал что-то вроде грязного прохода. По запаху Мартелло тут же определил, где они находятся.

Открывший им худой китаец проводил их до второй двери и впустил в полутемную комнату. Он, должно быть, получил инструкции и знал Хав-Чана, ибо не произнес ни слова. Запах, тяжелый и сильный, заполнял комнату. Около десятка людей полулежали друг на другом. В центре клубка тел тлела жаровня с углями. Дымящиеся трубки источали характерный запах опиума. Тела, раскинувшиеся на грязных циновках, не пошевелились при появлении двух мужчин. Ничто, даже налет полиции, не могло вырвать курильщиков из их искусственного рая. Для них земные тяготы перестали существовать.

Содержатель курильни жестом пригласил Хав-Чана и Мартелло следовать за ним. Приподняв убогий занавес, он провел их тесным проходом в стене.

Мартелло рад был покинуть одуряющую атмосферу курильни. Он знал о неуголимой страсти этих отбросов общества. Многочисленные рикши в Гонконге зарабатывали всего несколько гонконгских долларов в день — стоимость одной-двух трубок. Многие предпочитали остаться без еды, но выкурить трубку...

По сравнению с курильней даже осклизлая лестница, ведущая в подвал, казалась приветливее.

Они спустились в узкую кишку, освещенную электрической лампой мощностью не более десятка ватт.

Мартелло спускался вслед за Хав-Чаном, тогда как китаец закрывал за ними двери. Ход вел почти горизонтально, часто петляя. Мартелло уже неспособен был определить, где осталось место, куда их доставил рикша. Впрочем, это было уже неважно. Пожелай они его убрать, сотню раз успели бы это сделать в первом же переулке. Наконец они добрались до другой лестницы, ведущей наверх. У хозяин курильни явно были средства связи, ибо люк открылся прежде, чем Хав-Чан поставил ногу на последнюю ступеньку.

Их ждал, кланяясь, довольно высокий китаец.

— Если достопочтимые гости позволят мне показать дорогу..., - произнес он нараспев.

Его пунктуальная вежливость не помешала заботливо закрыть люк, отделявший лестницу от тоннеля.

Мартелло хотел знать, что ему ещё приготовили.

Долго ждать не пришлось. Хозяин провел их по коридору, затем они попали в обширный зал с театральным убранством. Сидевшие там с полсотни китайцев и внимательно уставились на приподнятую сцену, обрамленную тяжелыми красными занавесями.

На сцене три женщины и двое мужчин демонстрировали «живые картины».

ГЛАВА II

Хав-Чан указал Мартелло на одно из оставшихся свободными кресел.

— Если вы можете немного подождать...

У Мартелло не было выбора.

— Спасибо.

Он уселся. Оба китайца исчезли за дверью, через которую вошли.

В помещении стояла напряженная тишина. Зрители, казалось были целиком захвачены тем, что происходило на сцене.

Постоянно запрещаемые британской полицией, «живые картины» стали специализацией Гонконга, весьма ценимой китайцами и не только ими.

Принцип прост и высоко артистичен, с точки зрения любителей. Несколько мужчин и женщин в одеяниях, ограничивающихся в основном фиговыми листками, создают различные варианты того, что сумеют вообразить на тему, не требующую дополнительного определения. Чем больше участников, тем выше ценится «спектакль» у посвященных. Некоторые сцены столь содержательны, что занимают до пятнадцати, двадцати персонажей одновременно.

Многочисленные фотоснимки, представляющие различные композиции, продаются из-под полы. Не означает ли это, что порнография когда-нибудь станет искусством? Ведь немало частных библиотек подумывают обзавестись такими сборниками.

Китайцы взирали на забавы, происходившие на сцене, внимательно, но бесстрастно. Мартелло

же, напротив, испытывал серьезные трудности, пытаюсь сохранять такое же безразличие. Наличие трех женщин на двоих мужчин делало картину особенно пикантной, и его латинский темперамент с трудом смирялся с вынужденной пассивностью простого зрителя.

Незаметный приход Хав-Чана вернул его на землю.

— Я прошу извинить меня за надоедливость, — размеренно прошелестел китаец. — Если вы ещё раз изволите последовать за мной...

Мартелло постарался изобразить на лице безразличие и поднялся. Он чувствовал, что весь побагровел, но Хав-Чан, казалось, не заметил этого.

Они вернулись к двери на лестницу, потом, спустившись на первый этаж, китаец проводил его в контору и отошел в сторону.

Лам Фу-Чен поднялся, приветствуя его коротким поклоном.

— Счастлив видеть вас в этом скромном жилище, мсье Мартелло, — начал он вежливо. — как вам наш спектакль?

— Интересно, — ответил мальтиец. — Очень интересно...

— Мои соотечественники — созерцатели, — продолжал тот с тонкой улыбкой. — Но из этого не надо делать вывод, что они только таковы и есть.

— Я понимаю, что актеры — безусловно не только..., — согласился Мартелло.

Лам Фу-Чен кивнул и указал на кресло.

— Садитесь, прошу вас, — сказал он.

Пока Мартелло усаживался, он обогнул свой стол, направляясь к креслу.

Китаец был высокого роста, борцовского телосложения, с наголо бритой головой. Он был одет как европеец, но, несмотря на зрелый возраст, сохранил безбородое лицо. Несмотря на затрудненное дыхание, он был разительным контрастом людям, которых Мартелло видел в курильне. Казалось, он был поглощен внутренним мирозерцанием, но Мартелло знал, что это ровным счетом ничего не значит. Достаточно было сделать чуть резковатый жест, например, если потянуться рукой к кобуре подмышкой, как китаец тут же вернется к реальности.

— Чему мы обязаны счастьем вновь видеть вас в Гонконге? — вежливо осведомился Лам Фу-Чен.

Мартелло мог бы возразить, что тот прекрасно это знает, но правила игры такого не позволяли. Китаец никогда не переходит прямо к цели визита.

— Кое-какие дела нужно уладить...

Они вежливо обменялись мнениями по различные темы, крутя вокруг да около и исподволь приближаясь к сути дела. В конце концов Мартелло спросил:

— Возможно, у вас сейчас найдется немного товара, который вы могли бы уступить?..

В глазах Лам Фу-Чена появился слабый отблеск жизни.

— Это невозможно...

В действительности все было не так, ибо Мартелло пустился в это путешествие с единственной целью, по предварительному согласованию с китайскими представителями.

Теперь необходимо соблюсти церемониал торговли, главный элемент сделки. Лам Фу-Чен изволил обронить, что он действительно владеет тем, что нужно гостю, но цена просто баснословная. А тот со своей стороны он предложил жалкие гроши.

— Опиум очень хороший, очень чистый, — нахваливал китаец. — С лучших высокогорных долин, не то, что получают в Бирме...

— Не сомневаюсь, но мне хотелось бы морфий, а не опиум.

Ничто, казалось, не давало повода усомниться в корректности его слов, но Лам Фу-Чен изобразил возмущение.

— Вы не жалеете о предыдущих поставках?

— Конечно нет, но...

Китаец прервал его жестом левой руки. Другой он покопался в столе и достал оттуда маленький ларчик. Хав-Чан приблизился и взял его, чтобы передать Мартелло.

Тот открыл его с величайшей осторожностью, будто там хранились великолепнейшие драгоценные камни. Но вместо них увидел только несколько белых кристалликов.

Крайняя белизна — признак высокой чистоты. Мартелло кивнул в знак удовлетворения.

— Если весь товар таков...

— Таков, таков, — серьезно подтвердил Лам Фу-Чен. — Люди, производящие опиум для меня, знают свое дело.

— Я в этом никогда не сомневался...

Дискуссия, по логике вещей, должна была на этом закончиться. Оба уже знали, на какой окончательный цифре они остановятся. Тем не менее для проформы нужно было продолжить торговаться и обсуждать мельчайшие детали. Ибо иначе китаец не был бы китайцем...

Хав-Чан вновь отошел в сторону, неподвижный и отсутствующий. Торг его никоим образом не трогал. Между тем Мартелло был уверен, что тот способен повторить все до мельчайшей детали.

Лам Фу-Чен все сетовал на трудные времена, жалуясь на эффективность британской полиции и таможни. Послушав его, можно было подумать, что джонки с опиумом не могут больше покинуть Кантон или Жемчужный берег, не нарвавшись на подстерегающие их патрули. Оставалось только спросить, не исчезли ли окончательно с карты сотни островов, где традиционно укрывались наркотики.

Только к двум часам утра Лам Фу-Чен и Мартелло пришли, наконец, к согласию. Китаец оказался несговорчивым. Повышение цены на восемь процентов, которого он потребовал,

прошло.

Впрочем, Мартелло готов был идти до десяти процентов. Так что все прошло великолепно. Каждая из сторон казалась удовлетворенной.

Хав-Чан достал из буфета бутылку рисовой водки и две маленьких фарфоровых чашечки, поставив все это на стол, чтобы были под рукой.

Мартелло широко распахнул полы пиджака, чтобы китайцы не восприняли неверно его действия. Из внутреннего потайного кармана, застегнутого на молнию и два ряда пуговиц, он достал бумажник и извлек откуда солидную пачку купюр.

— Американские доллары, — сказал он, кладя пачку перед Лам Фу-Ченом.

— Я доверяю вам, пересчет ни к чему, — улыбнулся китаец, небрежно сбрасывая её в один из ящиков стола.

— Остальное будет перечислено в течение двадцати четырех часов на ваш счет, — уточнил Мартелло.

— В американских долларах, надеюсь?

— Естественно, — подтвердил мальтиец.

Лам Фу-Чен довольно фыркнул.

— Сорок кило морфия вам доставят, как обычно...

Он поднялся, Мартелло следом.

— Я приготовил для вас приятный сюрприз, — объявил хозяин. — Смею надеяться, что он вас не разочарует...

Видя удивление Мартелло, улыбаясь, уточнил:

— Хав-Чан проводит вас и останется в вашем распоряжении...

Они обменялись вежливыми фразами, сожалея, что предстоящие дела не позволят встретиться ещё раз, условились о встрече, если дела Мартелло вновь приведут его в Гонконг, и долго прощались.

Затем мальтиец вернулся за Хав-Чаном в коридор, по которому они пришли. Вместо того, чтобы подняться по лестнице, китаец повел его в противоположную сторону и откинул занавес, скрывавший дверь. Открыл, слегка склонившись вошел.

Заинтригованный Мартелло переступил порог и остолбенел.

Комната была роскошно обставлена, в центре красовалась огромная кровать с игривым балдахинном.

На кровати ожидали три девушки, виденные им на сцене, обнаженные и улыбающиеся.

— Звонок слева, если что-то понадобится, — Хав-Чан снова поклонился.

Усмехнувшись, Мартелло оглядел маленькие, но твердые груди, задержал взгляд на тщательно выбритых лобках.

— Я не думаю, что мне понадобится что-то еще, — сказал он слегка поплывшим голосом.

Хав-Чен уже закрывал за собой дверь.

* * *

Английский таможенник попросил Джованни Мартелло открыть чемоданы. Гонконг пользовался неизменным статусом открытого порта, речь шла о простой формальности. Проверялось наличие товаров, запрещенных к вывозу, — а их можно пересчитать по пальцам.

Впрочем, Мартелло давал слово чести быть чистым при проверке на границе. На него не было и малейшего подозрения. В его профессии это абсолютно необходимо.

Таможенник приподнял несколько засаленных рубашек, закрыл чемодан и поставил мелом свой каббалистический значок.

— Проходите, сэр...

Тут же носильщик, ждавший сигнала, засуетился и занялся багажом. Кроме двух чемоданов у него был ещё портфель. Таможенник на него не обратил никакого внимания.

Идя впереди китайца, Мартелло покинул зал, где осуществлялся досмотр и проходил полицейский контроль, пересек набережную, загроможденную тюками и ящиками и направился к трапу норвежского судна «Тор Ярфальсен».

До сих пор все прошло, как по маслу. Только бедра устало гудели после ночи, проведенной в доме Лам Фу-Чена. Согласно заключенному договору он по всем правилам расплатился, едва вернулся в «Мандарин». Путешествие без проблем...

Стюард ждал наверху у трапа. Он проводил Мартелло и носильщика до каюты, которая была заказана.

Расплатившись с носильщиком, мальтиец начал спокойно распаковывать свои вещи, раскладывая их на кушетке. Наконец-то н мог расслабиться и переодеться... Стюард тут же развесил одежду в шкафу.

Мартелло тем временем поднялся на палубу, чтобы посмотреть, как поднимают якоря. Закурив тонкую филиппинскую сигару, он принялся рассматривать залитый солнцем рейд.

Гонконг действительно соответствовал своей репутации, но он не сожалел, что отплывает с острова, покидая весь этот муравейник. Морское путешествие доставляло ему больше удовольствия.

Между тем оставалось утрясти ещё одну деталь.

Через несколько часов, в обеденном зале, Мартелло взял меню, которое стюард положил между тарелкой и бокалом.

Критически окинув взглядом, он принялся внимательно его изучать, и внутренне порадовался удаче.

Маленький крестик, оставленный ручкой с зеленой пастой на сгибе, указывал, что наркотики находятся на борту.

Отлично...

Лам Фу-Чен сдержал свои обещания и плавание предстояло без происшествий.

Мартелло склонился к соседке, чтобы завязать разговор. Эффектная брюнетка, эдакий тридцатилетний цветок, и, видимо, опытная, знающая толк в посеребрённых висках...

— Что за приятное совпадение...

ГЛАВА III

Марсель...

В конце осени ночами уже становится свежо. Облака заволакивают небо так, что даже шквальный ветер не может разогнать их. Хмурая погода соответствует сезону, без видимых улучшений или ухудшений.

Док Жольетт был освещен только прожекторами, нужными для разгрузки нескольких судов. Грязная и неприветливая вода пестрела пятнами мазута.

С помощью двух буксиров «Тор Ярфальсен» уже миновал первые доки, подойдя к своему причалу меж двух судов, стоявших без огней.

Джованни Мартелло в своей каюте не спал. Приближался ответственнейший момент всей операции.

Путешествие проходило без малейшего намека на инциденты, со свойственным долгим морским круизам однообразием. Дородная брюнетка сошла на стоянке в Коломбо, Мартелло видел, что ушла она с сожалением. Пассажирок было немного, а одинокихеще меньше.

Тем не менее он нашел замену на стоянке у мыса Кейп-Код-замужнюю разряженную южноафриканку с вулканическим темпераментом. Самовлюбленность её мужа была непереносима. Бесконечные партии в бридж, занимавшие все послеполуденное время и большую часть вечеров, позволили Мартелло и любвеобильной супруге спокойно предаваться другим играм, куда менее невинным, но более темпераментным. Вопреки расхожему мнению, мужу и картах везло очень редко.

Двумя днями раньше, во избежание риска сентиментальных осложнений в конце путешествия, Мартелло дал понять партнерше, что шутки закончены и та рьяно принялась за одного из судовых офицеров.

Ни разу Мартелло не контактировал со стюардом, хранившим наркотики. Это было одним из правил работы. Чтобы ни случилось, никто не мог заподозрить между ними ни малейшей связи.

Почти все пассажиры, покидавшие судно в Марселе, были свободны в выборе: оставаться в каюте или тотчас сойти на берег.

Половина первого. Мартелло оделся и бросил взгляд в иллюминатор. По чистой случайности тот находился с противоположной от пирса стороны. Он улыбнулся, констатируя это, удача

оставалась с ним до конца.

Ввиду ночного прибытия, суеты особой не было. Буксиры, сделав свое дело, ушли к другому причалу.

Мартелло ненадолго задержался у иллюминатора. Суда, пришвартованные к противоположному пирсу, не подавали признаков жизни. В той части порта, где находился «Тор Ярфальсен», не было вообще никакого движения. Невозможно представить более выгодной ситуации.

Прошло какое-то время. Затем вдоль корпуса медленно прошел баркас. Едва слышно плеснуло кормовое весло.

Конечно, матросы на палубе были слишком заняты, чтобы обратить внимание на такую скорлупку. Что до пассажиров, то они либо спали, либо готовились сойти на берег.

Едва баркас остановился, два больших продолговатых мешка вывалились из иллюминатора один за другим, были ловко подхвачены на уровне воды и в ту же секунду исчезли под брезентом в глубине баркаса.

Никакого окрика, никакого шума не последовало.

Мартелло удовлетворенно смотрел на удалявшуюся лодку, скрывающуюся в тени корпуса соседнего корабля. Отныне морфий был в надежных руках. Широко улыбаясь, он закурил сигарету и выпустил длинный клуб дыма. Табак показался ему вкуснее, чем обычно.

Теперь ему оставалось только сойти на берег, как всякому порядочному пассажиру, каким он и являлся...

Его багаж был готов. С портфелем в руке он покинул каюту и направился к салону.

В обеденном зале стюард болтал с розовощекиим таможенником. Портовые службы делали все для удобства пассажиров; чиновники разбрелись по судну, чтобы обслужить тех, кто желал покинуть судно не дожидаясь утра.

Мартелло высказал желание сойти на берег. Стюард тут же отправился в каюту, чтобы забрать вещи.

Занялись документами. Портовый чиновник пролистал паспорт мальтийца и поставил штамп. Таможенник ограничился беглым взглядом на содержимое портфеля, который мальтиец держал в руке, даже не удостоив вниманием два его чемодана.

Традиционные конверты, предназначенные для прислуги, были розданы накануне вечером. Держа сложенную купюру стороной с её номиналом кверху, Мартелло попросил стюарда отнести на причал его чемоданы и сам вступил на трап.

* * *

Труднее всего было поймать такси. Ввиду позднего часа на стоянке не оказалось ни одной машины. К счастью, у дежурного на причале был телефон и такси удалось вызвать.

Когда он устроился на заднем сиденье, по лицу нельзя было сказать, какие противоречивые его сейчас раздирали. Но пока что он старался их отгонять.

До сих пор все шло как по маслу, долго ли так будет продолжаться?

В ожидании такси ему бросились в глаза два болтавшихся поблизости типа, как ему показалось, с явным интересом приглядывавшихся к нему.

— Куда вас отвезти?

— Вначале выедем из порта, — бросил Мартелло. — Там видно будет.

Шофер, выругавшись, рванул с места. Сделав вид, что роется в карманах в поисках сигарет и зажигалки, Мартелло обернулся, чтобы взглянуть в заднее стекло.

Метрах в пятистах от них следом тронулся черный «DS»...

Мартелло нахмурился. Задумавшись, он вновь сел поудобнее и закурил.

Шпики? Это в порядке вещей, хотя маловероятно. И не только потому, что он не засвечивался во Франции, — было бы логичнее заставить таможенников покопаться в его багаже, чем устраивать ничего не дающую слежку.

С другой стороны, полиция не использует «DS» для подобного рода работы.

Мартелло нервно потягивал сигарету. Если это не шпики, тогда есть только одно объяснение...

Он не мог не беспокоиться. Обычно он сам контактировал с получателями наркотиков уже приехав в Париж. Тех совершенно не интересовало, каким образом товар попадал на место.

Сбитый с толку, Мартелло подумал, что они могли узнать, что он плыл на борту «Тора Ярфальсена». Это ему совершенно не понравилось.

Такси выехало на набережную Жольетт, миновав полусонного таможенника в стеклянной будке. Шофер затормозил и вопросительно обернулся.

— Отель «Бово»..., — бросил Мартелло.

— Хорошо, мсье...

Через некоторое время Мартелло вновь посмотрел назад.

Будто привязанный, «DS» следовал за ними на том же удалении.

Мартелло допускал различные причины его присутствия. Возможно, в Париже произошел провал. Немало передраг могло произойти с его коллегами за эти месяцы. И в таком случае ему навстречу могли послать тех двоих, чтобы указать новое место передачи груза.

Если это так, они не будут тянуть с выходом на контакт.

После Форта Сен-Жан такси проследовало по набережной старого порта, чтоб выехать на набережную Бельж. Казалось, что шофер не замечал слежки. По крайней мере, судя по его виду, в чужие дела он вмешиваться не собирался.

Он повернул, чтобы выехать на Канебьер и тут же свернул вправо, на улицу Бово.

Мартелло вышел, чтобы удостовериться, что телеграмма, отправленная накануне, дошла и ему

забронировали комнату. «DS» замер во втором ряду в начале улицы, с включенными подфарниками.

Когда Мартелло вернулся с ночным портье, чтобы забрать свой багаж, машина все ещё не тронулась с места. Двое пассажиров все также сидели впереди.

Не глядя в ту сторону, словно ничего не замечая, Мартелло расплатился с шофером, добавив щедрые чаевые, и вновь пошел к отелю.

Дежурный поднес чемоданы к лифту и подготовил регистрационную карточку для полиции. Мартелло заполнял её, наблюдая краем глаза за входной дверью. Он заметил, как «DS» медленно проехал мимо входа в отель и исчез из поля зрения.

Вместе с карточкой Мартелло отдал свой паспорт.

— У вас есть телефонная кабина?

Портье кивнул и указал в глубину холла.

— Справа, за лифтом, — ответил он. — Куда звонить?

— Здесь, в Марселе...

— Я вас соединю.

Мартелло направился к двери с надписью «Телефон», вошел, зажег свет и тщательно закрыл за собой дверь. Он набрал номер и прислушался к гудкам в телефонной трубке. Трубку сняли почти тотчас же.

— Луиджи? — спросил Мартелло.

— Он должен подойти, — ответил голос с сильным специфичным акцентом. Не вешайте трубки, я сейчас его позову...

Мгновение спустя раздался щелчок, будто сняли трубку с другого аппарата.

— Луиджи? — повторил Мартелло.

— Это я...

— Говорит путешественник, — пояснил Мартелло по-итальянски. — Ты один?

— Вы можете говорить, — ответил голос на том же языке. — Здесь никого нет.

— Посылка у тебя? — поспешил спросить Мартелло.

— В надежном месте, — ответил собеседник. — Готов немедленно её вернуть.

— Отлично, — удовлетворенно сказал Мартелло. — Теперь послушай внимательно, что ты должен сделать...

* * *

Администратор разбудил Мартелло ровно в семь тридцать.

Мальтиец воспользовался этим, чтобы сразу же заказать плотный завтрак. Затем он, зевнув, поднялся и подошел к окну.

«DS» был припаркован чуть в стороне от отеля, у противоположного тротуара. Внутри был виден лишь один пассажир. Предрассветные сумерки не позволяли различить черты его лица.

Мартелло покинул свой наблюдательный пост и направился за сигаретой. Первая затяжка показалась ему кислой, и он решил, что злоупотребляет курением. Погасив наполовину выкуренную сигарету, подумал, что теперь все встало на свои места. Во-первых, теперь он был уверен, что два типа, следящие за ним — не шпики. Вопрос в методике.

Далее, он был почти уверен, что ничего серьезного в его отсутствие в Париже не происходило. Иначе они не стали бы дожидаться утра для встречи, а взяли бы его на abordаж сразу по приезду в отель, чтобы предупредить и избежать ненужного звонка в Париж.

Единственное возможное заключение: Патрон решил не принимать его условий и контратаковать.

Мартелло стал под душ и наконец-то окончательно проснулся. Из-за стремительного развития событий он мало спал, но ещё меньше спали его противники в своем «DS», как бы ни комфортабельно там было. Наверняка у этой парочки с утра головная боль.

Собираясь, он размышлял о ситуации. Из-за груза наркотика его положение казалось весьма солидным. Во-первых, «Патрон» должен будет уступить, чтобы поставки зелья внезапно не прервались. Затем, Мартелло был единственным, кто знал все детали гонконгских процедур. «Комиссия по встрече» была, конечно, предназначена для морального воздействия и присмотра, как бы он не исчез с товаром для перепродажи по пути.

Нет, причин для беспокойства не должно быть...

Плотно загрузив желудок, Мартелло спустился вниз, оплатил счет, попросил заняться багажом и вызвать такси. Его обещали прислать минут через пять.

Как и при выезде из порта, «DS» сразу сел ему на хвост. Ни слишком далеко, ни близко, но с ловкостью, говорящей о том, что водитель знает свое дело и что пытаться оторваться не стоит. Нет, он сумел бы выкрутиться, но был настолько уверен в себе, что и думать о таком не собирался.

Мартелло решил, что на него хотят воздействовать методом устрашения. Не стоит обращать внимания. Он даже не потрудился взглянуть на лица тех, кто следил за ним. Он крепко держит дело в своих руках и Патрон должен это знать. Нет, он не запаникует, не совершит непоправимой ошибки, что обернулась бы против него и лишила всех выгод его положения.

Такси остановилось перед вокзалом Сен-Мишель. Мартелло сделал знак носильщику заняться багажом. «DS» остановился в сотне метров от него.

Ни на миг не заинтересовавшись его пассажирами, Мартелло вошел в зал и осмотрелся кругом. Утренняя суета подходила к концу, но в зале ещё было немало народу.

Луиджи предусмотрительно ждал его рядом со стойкой. Невысокого роста, пузатенький, с усами вразлет и густой шевелюрой, тот глазами указал на стоявший рядом с ним чемодан.

Большой чемодан с накладными уголками.

Они с Мартелло пожали друг другу руки. По его знаку, носильщик забрал чемодан на свою тележку. Тот был очень тяжел, ибо носильщик поднимал его обеими руками.

— Ты сделал все, что я сказал? — шепнул Мартелло по-итальянски.

— Все-все, — подтвердил Луиджи. — Чемодан подготовлен. Я уже отправил письмо на ваше имя в отель «Киетюд», улица Берзелиус...

— Отлично... — похвалил Мартелло, увлекая его за собой на перрон, вслед за носильщиком.

Толстячок покопался в кармане куртки.

— Вот ваш билет...

В свою очередь Мартелло достал конверт из бумажника.

— Расчет здесь, — сообщил он. — Еще там деньги за билет и небольшая надбавка за причиненные моей просьбой неудобства...

Луиджи кивнул, и довольная улыбка озарила его лицо. Мартелло никогда не скупился на надбавки.

— Не стоило! — запротестовал он для проформы, пряча конверт в карман.

Двое мужчин с носильщиком вышли на перрон. Мартелло слегка кивнул назад.

— Меня сопровождают... — процедил он сквозь зубы, все ещё по-итальянски.

Прежде чем спутник успел нахмурить брови, он объяснил:

— Не шпики. Ничего серьезного. Но будет лучше, если ты день — два отдохнешь за городом. Никогда не знаешь...

Марселец был того же мнения.

— Понял... — кивнул он.

— Во всяком случае, я не в курсе. Я передал вам чемодан, это все, добавил он.

— Мало вероятно, что придут задавать тебе вопросы, — уверил его Мартелло. — Я позвоню, как только все будет окончательно улажено.

Они обменялись рукопожатием.

— До скорого?

— До скорого...

Поезд, прибывающий из Вентимильи и Ниццы, подходил к перрону. Мартелло бросил взгляд на стенные часы. Без четверти девять. Он зашагал к вагону, указанному в посадочном талоне, который вручил ему Луиджи вместе с билетом.

ГЛАВА IV

Ганс Генрих и Жерар Корман составляли одну из тех уникальных и исчезающих пар, которые

порою создает общество в своем развитии со времен античности.

Двойная игра природы объединила их во благо, но куда чаще-во зло.

Один был блондином, другой — брюнетом. Оба среднего роста, с совершенно заурядными лицами, у Ганса глаза были голубые, у Жерара черные.

Но взгляд обоих — хладнокровный.

И невозможно было ошибиться, заметив их: они их «тех».

Они и в самом деле были великолепными, методичными, прекрасно тренированными убийцами, спокойными и эффективными.

С каких пор длилось их сотрудничество и, следовательно, эта работа? Никто не мог припомнить. Впрочем, они не часто выходили в свет. По-видимому, им достаточно было друг друга.

Если присмотреться, нечто в поведении Ганса его выдавало. Его пальцы, длинные и тонкие, его маленькие ладони и слегка округлая походка ясно говорили о его роли в дуэте. Несмотря на бессонную ночь, у него был лощеный вид.

В противоположность ему, Жерар выглядел невыспавшимся, изнуренный вид ещё больше подчеркивали плохо выбритые щеки. Это он вел «DS», когда тот остановился рядом с вокзалом Сен-Шарль.

— Полагаю, он поедет поездом, как и раньше, — заметил Ганс, нахмутив брови.

— Во всяком случае, товара у него нет...

Ганс открыл дверцу.

— Пройдемся!

Они вышли, оставив «DS» как стоял, и проследовали за Мартелло, не заботясь о конспирации. Их мало волновало, что мальтиец увидит. Напротив, это скорее всего наведет его на размышления.

Жерар Корман первым заметил Луиджи, облокотившегося о стойку. Мартелло направлялся к нему.

— Слева, — бросил он. — Толстячок с чемоданом...

Ганс расплылся в улыбке. Его губы были похожи на два лезвия бритвы.

— С тех пор, как мы за ним следим, я все спрашиваю себя, не ослеп ли он? — По крайней мере он, надеюсь, не думает, что мы прибыли его защищать...

Корман сухо рассмеялся...

— Теперь мы знаем парня, что выносил товар из порта, — сказал он. Всегда вот так и получается.

Луиджи протянул железнодорожный билет и тотчас получил конверт в обмен. Корман

загоревшимся взглядом взглянул на своего компаньона.

— Вмешаемся?

Ганс покачал головой.

— Слишком много народу, — возразил он. — Рисуем все провалить.

— Что тогда будем делать? Нельзя же упустить случай просто так?

Ганс немного поколебался и взглянул на часы, прежде, чем решился.

— Он, конечно, сядет в поезд без десяти девять, — сказал он. — Ты последи за ним, пока я позвоню в Париж, чтобы кого-нибудь прислали на вокзал.

— А колымага и наши чемоданы?

— Я займусь этим, — ответил Ганс. — Тут недалеко есть автостоянка. В крайнем случае оставим на произвол судьбы. Если не хватит времени взять билеты, попробуем сесть в поезд так.

Он указал на Мартелло, направлявшегося к перрону в сопровождении Луиджи и носильщика.

— Не отставай ни на шаг, — продолжал он. — У него может возникнуть соблазн тихо смыться после прихода поезда.

— Я бы ему этого не советовал... — ухмыльнулся Корман, похлопав по карману.

Пока он следовал за мальтийцем, Ганс Генрих направился к телефонным кабинам. Чудом ему не пришлось ждать соединения с Парижем. Бывают же такие дни...

Когда он вышел, чтобы оплатить разговор, оставалось ещё одиннадцать минут до отхода поезда. Выйдя из вокзала, Ганс поспешил к «DS». К счастью, ни один полицейский ещё не обратил на машину внимания. Тут они, конечно, нарвутся на штраф, прежде чем из Парижа прикажут кому-то в Марселе забрать её. Но в создавшейся ситуации это не самый худший вариант.

Ганс забрал из багажника два дорожных саквояжа. Достал с заднего сидения два плаща и сунул ключи под коврик в салоне. У него ещё осталось время подойти к кассам и взять билеты.

Да, Мартелло совершил самую серьезную ошибку, не приняв особых мер предосторожности. Казалось, у него теперь нет шансов обвести их вокруг пальца до отхода поезда, особенности имея три чемодана.

С тех пор как они сели ему на хвост после схода на берег, Мартелло неминуемо должен был засечь их, ибо они сделали для этого все. Безразличие, которое он выказывал, явно говорило — он уверен, что Патрон согласится на его условия.

Ганс Генрих вздохнул. Только что закончившийся разговор убедил его в обратном.

Мартелло попал пальцем в небо, сочтя себя незаменимым...

Жерар Корман спокойно ждал перед вагоном первого класса.

— Он там, — ответил он на немой вопрос своего компаньона. — Четвертое купе в начале вагона.

— А другой?

— Ушел...

Ганс протянул ему саквояж и плащи.

— Садись, — сказал он. — Я куплю какие-нибудь газеты.

Три минуты спустя Ганс Генрих устроился рядом с Жераром Корманом недалеко от тамбура, в двух купе от Мартелло. В вагоне больше никого не было.

Если Мартелло хочет избежать их компании, то ему придется раствориться в воздухе...

* * *

Поезд подошел к Лионскому вокзалу в девятнадцать двадцать, или чуть пораньше.

В своем купе Джованни Мартелло подождал, пока все покинут вагон, прежде чем решился выйти. Он испытывал уверенность игрока, получившего четыре туза.

Он не оставил без внимания двух типов, севших в Марселе, и не ошибся в их роли. Впрочем, те тоже ничего не сделали, чтобы замаскироваться. Их слежка была видна невооруженным взглядом.

Мартелло не новичок. Их глаза сказали ему больше, чем любая визитная карточка. Пара убийц!

Между тем он чувствовал себя прекрасно. Когда сидишь на сорока килограммах морфия, не стоит особенно беспокоиться о будущем.

Патрон, конечно, бушует и угрожает. Но Мартелло слышал в своей жизни уже немало угроз подобного рода. Его Патроны подсылали к нему убийц, но при этом проигрывали. Было слишком поздно пасовать. Оставалось идти до конца!

Двадцать процентов от прибыли — это не дорого, особенно если Мартелло договорился о восьми с Лам Фу-Ченом. Нужно только переложить их на потребителя, — и все.

Мартелло мог выйти и в числе первых, но в такой ситуации предпочитал утрясти вопрос на месте. Нечего бояться, парни будут вести себя более спокойно, когда он выскажет свои доводы. С другой стороны, он один знал Лам Фу-Чена и порядок поведения в Гонконге. Нет, ему действительно нечего бояться...

Мальтиец уже собрался достать свои чемоданы, когда Жерар Корман появился в купе у него за спиной. В вагоне больше не было ни души, а на перроне толпа значительно поредела.

— Хотелось бы задать вам всего один вопрос... Один...

От бесцветного голоса мурашки пробежали по его спине. Но Мартелло не желал обернуться и тем самым показать, что осознает опасность.

— Валяйте..., - небрежно бросил он.

— Ваши условия? — начал тот.

— Те же самые, — заявил Мартелло, поднимая тяжелый чемодан. — Не меньше двадцати процентов...

С гримасой на лице, он вытащил тяжелый чемодан из багажника и поставил на полку, неловко его придерживая. Присутствие постороннего за спиной было ему неприятно.

Жерар Корман немного поколебался при виде чемодана. Данные ему инструкции были ясны.

С равнодушным видом Мартелло поднял руку, чтобы снять один из чемоданов сверху, взялся за ручку...

Стремительным движением Корман выхватил руку из кармана.

Мартелло доставал чемодан, когда услышал характерный щелчок. Он хотел обернуться, чтобы объясниться с убийцей, но слова так и не сорвались с его губ.

Лезвие вошло в почки, как в масло — по самую рукоятку.

Удар ножом в крестец не шуточен. Корман был специалистом в этих делах и Мартелло умер тут же, даже не успев осознать, что произошло.

Поскольку он завалился лицом вперед, убийца придерживал его и, развернув, усадил в угол. Быстро вытерев лезвие о куртку убитого, сложил нож и убрал его в карман.

В дверном проеме купе появился Ганс, держа руку в кармане, готовый тут же вмешаться.

— Все сделано..., — просто констатировал Корман, взявшись за тяжелый чемодан с накладными уголками.

Сгибаясь под тяжестью, с гримасой на лице, он вышел из купе. Ганс поднял оба саквояжа и направился к выходу.

Все заняло не больше тридцати секунд.

Оставив свою жертву, казавшуюся разospавшимся пассажиром, они покинули вагон, направляясь в конец платформы.

Несмотря на тяжелый чемодан, не было и речи, чтобы нанять носильщика, ибо тот мог вспомнить о двух типах, сошедших с поезда.

Еще шли задержавшиеся с выходом. Скрипя зубами, Корман думал, что чемодан оборвет ему руки. Но сейчас не время бездельничать. Вскоре они пересекли зал ожидания и направились к выходу.

Через несколько мгновений ожидавшая их у тротуара машина уже мчалась по бульвару Дидро.

— Как все прошло? — спросил водитель.

Обычно парочка не делилась впечатлениями. Чем меньше людей в курсе их личных секретов, тем лучше они себя чувствовали. Мартелло не первый в их охотничьем списке, но им никогда не приходило в голову бессмысленно хвастаться. Опыт показывал, что у шпииков есть уши в самых неожиданных местах.

— Превосходно, — лаконично ответил Ганс.

Шофер, наоборот, был болтлив. Он кивнул головой в знак согласия.

— Патрон будет очень доволен...

* * *

В действительности Патрону не представилось случая быть особо довольным.

Когда чемодан открыли, в нем действительно было сорок кило... песка!

ГЛАВА V

Петер Андерс тщательно набил свою трубку, поднес пламя зажигалки и сделал глубокую затяжку, чтобы занялся табак. Потом вытянул длинные ноги и поудобнее устроился в кресле.

На низком столике, на расстоянии вытянутой руки, стакан «Олд Кроу» ожидал своего часа. Запущенный на среднюю мощность стереопроеигрыватель воспроизводил «Реквием» Верди.

Жизнь была прекрасна...

Шум улицы не долетал сквозь зашторенные окна. Тщательно отрегулированный по яркости отраженный свет мягко освещал комнату.

Петер Андерс оставил трубку, чтобы выпить глоток напитка с парой кубиков льда.

И недоставало ему теперь только Беатрис...

При мысли о ней Андерс улыбнулся. Беатрис была манекенщицей, когда он её некоторое время назад встретил. Тогда ни один из них не думал, что связь их затянется. Девушка вернулась с показа мод в провинции и тотчас же позвонила ему договориться о встрече.

Бросив оценивающий взгляд на состояние комнаты и удостоверившись, что розы стоят в вазе, он счел, что все готово. Ничто не доставляет столько удовольствия, как встреча после недолгой разлуки.

Андерс не готовил никакой особой программы. Было мало вероятно, что они соберутся куда бы то ни было раньше будущего утра...

Игла дошла до конца. Андерс, тяжело вздохнув, встал, чтобы перевернуть пластинку.

Рост-метр восемьдесят с небольшим, прекрасные мускулы выдавали его великолепное физическое состояние и тщательную подготовку, сероватые глаза с романтической поволокой привлекали к себе. Да и сам он предпочитал подобный облик сходству с Квазимодо...

Он уже вернулся в свое кресло, когда раздался звонок в дверь. Отложив трубку, пришлось идти открывать.

— Это я...

Андерс и сам прекрасно видел. Девушка казалась ему ещё прелестней, чем в последний раз. Довольно высокая, она носила манто неопределенного цвета, показавшееся бы бесформенным на любой другой. Он впустил её, с удовольствием оглядев длинные ноги, благо мода не

позволяла их закрывать, прошелся взглядом по её фигуре, задержал его на лице и роскошных пепельно-пшеничных волосах, свободно ниспадающих на плечи.

— Удовлетворен осмотром? — иронизировала она, избавляясь от сумки и перчаток.

— Удовлетворен..., - подтвердил он, обняв её за плечи.

Но когда губы их встретились, пронзительный телефонный звонок диссонансом перекрыл хор Верди.

Девушка отстранилась, нахмутив лоб.

— Без сомнения, одна из твоих кокеток, считающая, что местечко возле тебя свободно? — кисло съязвила она.

Андерс уже давно отказался понимать, говорит она из ревности или просто констатирует факт. Самое легкое решение — оставить аппарат звонить, но он не собирался нервничать весь вечер и потому махнул рукой.

— Я позволяю тебе развеять её иллюзии.

Девушка колебалась мгновение, оценивая, что она может потерять, если согласится с предложением. Но в конце концов решила снять трубку.

Андерс наблюдал, как она важно поднесла её к уху. Никогда ни в чем нельзя быть уверенным на все сто. Он не исключал, что она могла попасть в точку...

— Да... От кого?

Девушка прикрыла рукой микрофон и устремила взгляд на Андерса.

— Стефан Марле..., - произнесла она четким голосом.

Лицо её утратило всю живость, а в глазах появилась грусть. Вздох усталости и беспокойства сменил радость, с которой она вошла.

Андерс подошел к столику, где стоял вызвавший потрясение аппарат. Прежде чем снять левой рукой трубку, он правой обнял девушку. Ее щеки были нежны и мягки.

— Как дела? — без всякого энтузиазма поинтересовался он.

— Это нужно спросить у тебя, — ответил собеседник.

Андерс раскатисто рассмеялся.

— Не пытайся заставить меня подумать, что ты звонишь узнать новости обо мне! Я достаточно тебя знаю.

— В таком случае я жду тебя через полчаса у Гастона.

Андерса передернуло.

— Это так необходимо?

— Тебе судить, — ответил голос в трубке. — Потому что ты меня хорошо знаешь; думаешь, я стал бы настаивать после того, как услышал голос особы, снявшей трубку...

— Согласен! — вздохнул Андерс. — Я там буду.

Он повесил трубку и повернулся к девушке. Та все поняла.

— Ты сейчас же должен уйти, не так ли? — спросила она.

Андерс кивнул, искренне сожалея.

— Ничего не могу поделать...

Она прижалась лицом к его груди, но он нежно приподнял его за подбородок. В глазах её отражалась смесь досады и решимости.

— Когда ты вернешься?

Андерс пожал плечами.

— Я ничего не знаю. — И не хочу знать...

Она отпрянула и вздохнула.

— Я всегда спрашиваю себя, как я могу тебя терпеть.

Андерс возразить было нечего. И не время шутить.

Он прошел в прихожую, взял из шкафа непромокаемую куртку.

Беатрис шагнула к нему. Секунду они смотрели друг на друга. Потом она впиалась в его приоткрытые губы.

Нет, она не пыталась его удержать, но ему не стоило увлекаться, чтобы вовремя попасть на место. С трудом оторвавшись, Андерс машинально проверил ключи в своем кармане.

— До скорого!

— Постарайся вернуться до моего отъезда в турне.

Дверь за ним закрылась. Пренебрегая лифтом, он спустился по лестнице.

Погода была отвратительной, сырой и ветреной. В конце улицы традиционная вечерняя пробка на проспекте Нейи ещё не рассосалась.

Андерс решил пройти через парк, чтобы поскорее попасть на место.

* * *

Петер Андерс занимался всем понемногу, а по большей части ничем.

По крайней мере, таким он представлялся друзьям. Для них он был одним из тех журналистов-дилетантов, статьи которых могут появляться только в некоторых американских журналах, автором нескольких документальных очерков на различные темы, о которых он стыдливо умалчивал.

И действительно, Андерс удачно упражнялся в журналистике. Несколько статей, тиснутых по случаю, позволяли придерживаться этой версии.

Редко кто знал, что он жил в Париже, более или менее официально, за счет Федерального бюро по наркотикам. Его положение было достаточно неясным, для того чтобы он мог свободней маневрировать.

Состоя в качестве наблюдателя при отделе одурманивающих средств в рамках Интерпола, он был в деловых связях со службой таможенных расследований (СТР) и достаточным количеством других организаций, неизвестных широкой публике. Попутно он был вхож ещё в другие менее известные круги, и правительственные, и нет, благодаря своей журналистской карточке или иным, более частным образом.

А Стефан Марле служил офицером в до предела официальной Национальной службе борьбы с незаконными таможенными операциями, в которой СТР создала сеть осведомителей. В этом качестве его поле деятельности было гораздо уже. Это только в романах можно видеть офицера полиции или представителя службы охраны общественного порядка, с легкостью нарушающего все статьи закона. Да, в романах, когда они имели несчастье попасть в переделку...

Стефан Марле всегда избегал такого образа действий. Но, поскольку он не был лишен здравомыслия, то ему приходилось прибегать к услугам Андерса...

Сам такой же здоровяк, что и его друг, но немного ниже ростом и более коренастый, он был очень привлекателен, и по облику его никто бы не подумал, что он полицейский.

Он уже сидел в кафе на улице Токевилль, когда туда вошел Андерс. Местечко было типичной забегаловкой с табачным прилавком под названием то ли «Бризза», то ли «Сиветт», но все называли его «Гастон», по имени хозяина.

Марле поднялся, чтобы привлечь внимание вошедшего Андерса. Тот знаком дал понять, что видел его и подошел к табачной стойке, чтобы взять упаковку «Кэпстэна» вместо забытой дома. К счастью в его карманах всегда валялась старая трубка, и непромокаемая куртка не была исключением из правил.

Они пожали друг другу руки и Андерс уселся напротив Марле. Тот уже подозвал гарсона.

— Что ты закажешь?

Андерс вспомнил о своем домашнем нетронутым стакане. Так остаться без выпивки! Если ночь обещает затянуться, это будет только началом.

— «Олд Кроу».

Марле показал на стакан, который уже опустошил, где по остаткам на дне можно было определить «Американо 505».

— То же самое.

Гарсон ушел. Андерс холодно посмотрел на своего друга.

— Итак? — спросил он сверхлюбезным тоном.

Марле сжал губы и предостерегающе поднял руку.

— Полегче... сказал он. — Я может быть сорвал твой райский вечер, но не стоит из-за этого так переживать. А заодно предупреждаю тебя, что и ночь может пройти впустую.

Андерс принялся набивать свою трубку с соответствующими выражениями.

— Ты знаешь Гонконг? — невинно продолжил Марле.

Андерс рассмеялся.

— С условием, что это будет щедро оплачено на двоих, я согласен...

— Сожалею, — прервал Марле. — У меня нет ни малейшего желания посылать тебя туда. Просто дело в том, что история, которую я хочу рассказать, там начинается.

Андерс кончил набивать свою трубку и тщательно раскурил её.

— Наркотики?

Марле кивнул.

— Кажется то, что нас интересовало, прибыло, — ответил он. — Ты знаешь, что мы располагаем несколькими осведомителями, которые указывают на перемещение известного им груза. Большинство из них работает одновременно и на Бригаду по борьбе с наркобизнесом, но сейчас они обратились к нам.

— На каком уровне? — вмешался Андерс.

Марле поморщился.

— Слишком низко, чтобы этим можно было воспользоваться, — сказал он, — но что-то там кроется...

Двое подростков вошли в кафе. Девушке было не больше пятнадцати лет, из под её сверхкороткой юбочки торчали панталоны. Они уселись за три столика от них. Удостоверившись, что те заняты не подслушиванием, а совершенно иным, они все же понизили голоса:

— Уже несколько дней, как в Бригаде узнали, что неделю-две назад на рынке появились свежие наркотики. — объяснил Марле. — Обычно ловкачи пускают такой слух в надежде получить немного карманных денег за наш счет.

Он на мгновение прервался, чтобы прикурить сигарету.

— На этот раз, кажется, все значительно серьезнее, — продолжил он. Информатор на редкость точен и не распыляется попусту, включаясь лишь в особых случаях.

Тем временем молодые люди пустились в анатомические эксперименты с поверхностной передачей микробов через ротовую полость. Нечего и думать, что они подслушивают.

— Второе, — продолжал Марле, — вчера вечером пришли мальтийца, в поезде, прибывшим из Вентимильи. Удар ножом в спину. Работа специалиста.

Он какое-то время помолчал, затем продолжил:

— Типа звали Джованни Мартелло. Полиция определила, что он сел в поезд в Марселе, где предыдущей ночью сошел с корабля, прибывшего из Гонконга.

Андерс наострил уши.

— Ты не хочешь мне сказать, что в его багаже полно наркотиков?

Марле покачал головой.

— Нет и нет, — ответил он. — Даже ни транзистора или фотоаппарата, привезенного тайком. Паспорт в порядке и все такое.

— Тогда в чем дело?

Марле улыбнулся.

— Норвежское грузопассажирское судно «Тор Ярфальсен», — объяснил он. Он отправился морем, а мы узнали, что один из стюардов был осужден несколько лет назад за перевозку опиума. Всего несколько пакетов наркоты. Доказательства были неубедительны и он получил по минимуму.

Андерс покрутил стакан, который поставил перед ним гарсон. Он внимательно наблюдал за льдом, скользящим по стенкам под действием центробежных сил.

— Если я правильно понял, стюард провез наркотики для мальтийца, предположил он. — Затем по прибытии того нашли продырявленным, и к тому же без груза...

Марле вздохнул.

— Я согласен, что, может быть, это притянута за уши, слишком мало мы знаем, — признал он, — но это вполне возможно.

Андерсу все казалось малоубедительным.

— Есть ещё кое-что, о чем я ещё не сказал — добавил Марле. — Мы нашли женщину, ехавшую в том же вагоне, что и мальтиец, и вышедшей, как только поезд прибыл. Старая сова, которая занимается только тем, что следят за ближними и удостоверяется, моют ли они шею по утрам.

Он выждал немного, чтобы подчеркнуть важность своих слов.

— Она провела с мальтийцем последний отрезок пути и клянется всеми святыми, что у того было три чемодана, когда она покидала купе. А нашли рядом с трупом только два...

Андерс сунул нос в свой стакан. Если это так, то натянутая версия Марле становилась гораздо весомее.

— Она могла ошибиться.

Марле покачал головой.

— По-моему, ей можно верить. — Она очень точно описала багаж Мартелло, даже не глядя на него. Это в точности совпадает с тем, что нашли.

Он выпил глоток своего «Американо 505».

— По её словам, исчезнувший чемодан был большого размера, с металлическими накладками по углам, — заключил он. — Совсем иного образца, чем два других.

— Мог он принадлежать другому пассажиру? — поинтересовался Андерс.

— Маловероятно, — ответил Марле. — Старая сова и мальтиец были одни в купе от Лиона.

— И как он?

Марле рассмеялся.

— Вдова высшего офицера, известная фамилия, — сказал он. — Мне пришла мысль — один шанс из тысячи, что она имеет отношение к делу. На всякий случай за ней следят, но уже можно утверждать, что это ничего не даст.

Андерс подумал о том же. Мгновение они помолчали. Затем он посмотрел на своего компаньона.

— Чего, собственно, ты ждешь от меня? — поспешил спросить он ровным голосом.

Марле слегка занервничал.

— Мне хотелось бы, чтобы ты взял интервью у одного типа, — в конце концов ответил он.

Андерс нахмурил брови.

— Вам не хватает эффективности?

Марле перекатывал упаковку «Кэпстена» на столе, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Не достает кредита, — заявил он. — Одним словом тип — большой гурман...

— Иначе говоря, ты надеешься, что дядюшка Сэм заплатит, чтобы таскать для тебя каштаны из огня? — иронизировал он. Я думал, что от юношеских иллюзий ты давно излечился.

Офицер СТР ещё не сказал всего, ибо в его взгляде сверкнули огоньки.

— Это ещё не все — начал он. — Если наши сведения точны, количество наркотика превосходит французские потребности... В таком случае это должно тебя заинтересовать вплотную...

Андерс слегка кивнул.

— Я понял...

Пути поставки наркотиков в Америку начинаются всегда в Европе, и в особенности во Франции. Если количество наркотиков действительно значительно, можно с уверенностью сказать, что большая часть будет подготовлена к отправке в Штаты.

Работа Андерса в Париже и состояла в отыскании таких поставщиков, чтобы закрыть источники поставок на новый континент.

— Имя твоего человека? — спросил он.

Марле тщательно скрывал улыбку удовлетворения.

— Эмиль Лорио, — объявил он. — Проезд Клиши, номер 7. Это сразу за Веплером, ты не ошибешься...

Андерс подумал о Беатрис, ожидавшей его в квартире в Нейи. Вернувшись однажды, он найдет птичку окончательно улетевшей...

— Наш контакт?

— Как обычно, — ответил Марле. — Я полагаю, ты будешь у себя?

Андерс вздохнул.

— Надеюсь...

ГЛАВА VI

Было около одиннадцати, когда Андерс уселся в свой «BMW» серостального цвета и направился по улице Токевиль, чтобы попасть на бульвар Батиньоль.

Миновав железнодорожный мост, он задумчиво покосился влево на здание, в котором находилась местная СТР. Ему не терпелось узнать, завел ли его Марле понапрасну или наживка, сунутая ему под нос, соответствует действительности.

Как бы там ни было, он не задержится с уточнением.

Пять минут спустя он остановился на самом бульваре, сразу же за площадью Клиши. Такая удача в это время...

Как и каждый вечер более-менее праздничная толпа слонялась под неоновыми вывесками пивных и кабачков со стриптизом. «Ночной Париж» не знает плохой погоды.

Андерс позаботился проверить дверцы, прежде чем отправиться дальше.

Ночная толпа всегда одинакова. Слоняющиеся провинциалы и простофили из-за границы; проститутки всех мастей на охоте, бездельники арабы, недвусмысленно косящиеся на женщин и не стесняющиеся в комментариях; уличные торговцы запрещенной порнографией; развязная молодежь, готовая сесть на иглу; кутилы, продолжающие прожигать жизнь.

Ничего нового...

Андерс дошел до площади, затем пошел по проспекту Клиши, прежде чем свернул направо, в первый переулок. Настоящая кишка, узкая и плохо мощеная. Витрина книжной лавки освещала вход в переулок. Дальше — темнота.

По привычке Андерс изучил окрестности. Ничего необычного. Несколько небрежно припаркованных машин. В глубине — тускло освещенный фасад.

Дом номер 7 был старым, грязным и изрядно обшарпанным. Мгновение поколебавшись, Андерс решил все же войти. С трудом пытаясь найти кнопку звонка, он в конечном счете нажал наугад на что-то непонятное.

Входная дверь была незаперта. Консьержка, если там была консьержка, должно быть спала в своем логове или завершала поход по ближайшим бистро.

Но в своих предположениях Андерс ошибся. Возле лестницы зажегся свет и занавесь, закрывавшая стеклянную дверь дворницкой, отодвинулся, за ним появился подозрительный и вопрошающий глаз.

— Кто там? — обеспокоенно спросил надсадный голос.

Андерсу не имело смысла называть цель своего визита.

— Эмиль Лорио?

— Второй, напротив, — проворчала старуха, опустив занавесь.

Андерс услышал ещё несколько скрипучих реплик.

— Невозможно телевизор спокойно посмотреть!... Настоящий проходной двор!... Посмотрите...

В доме не расточали электричество. Андерс пришлось поискать кнопку, чтобы вновь зажечь свет. На каждую лестничную площадку выходило три двери, одна из которых вела в туалет, общий на этаж. Когда смотришь на ширину дома, можно представить себе размеры квартир. Даже во времена его постройки роскошью тут и не пахло.

Полоска света выбивалась из-под двери, расположенной напротив лестницы на втором этаже. Звонка не было. Андерс постучал несколько раз в дверь.

Ничего... Никаких звуков изнутри не доносилось изнутри. Андерс вновь постучал, сильнее.

Безрезультатно.

Или Лорио заснул, оставив свет, и крепко спит, либо вышел, оставив свет непогашенным. Может быть, всего на несколько минут.

Андерс собрался постучать в третий раз, лампа вновь погасла. Он выругался сквозь зубы. Не будет же он заниматься подобными шуточками всю ночь...

Не зажигая света, Андерс достал из портфеля маленький железный инструмент типа ключа с подвижными бородками. Надо действовать достаточно быстро, ибо консьержка может забеспокоиться и выйти вновь.

После трех безрезультатных попыток язычок повернулся в замке. Андерс толкнул дверь и вошел.

Составляли квартиру две маленькие комнатки. Узенькая прихожая и столовая-кухня-гостиная. Свет падал оттуда.

Никого не было, кроме большой крысы, тут же скрывшейся под сундуком. Узкая грязная постель, покрытая наполовину разорванными рисунками на бумаге. Кислый запах пота и затхлости заполнял комнату. Лорио должен тщательно вычистить себя, а заодно и жилище.

Андерс посмотрел на беспорядок, царивший в комнате. Бесполезно терять время на осмотр. Все, на что он мог надеяться, — это подцепить блох. Он вернулся в гостиную, поколебался. Здесь тоже не стоит возиться с обыском. Лорио не был из тех, кто ведет дневник или

заваливает комнату компрометирующими бумагами.

Самое простое — подождать. Андерс уселся на стул и вынул трубку, опасаясь облокотиться о крышку стола, серого от пыли. Вскоре слащавый вкус табака перебил затхлый запах комнаты.

Потекли минуты.

По прошествии получаса Андерс счел, что дело слишком затягивается. Образ Беатрис, гасящей свет после долгого бесплодного ожидания, стоял перед его глазами. Он готов был все бросить и уехать. Но трезво счел, что это было бы слишком глупо. Лорио не должен запоздать. Надо набраться терпения и разобраться, чтобы не возвращаться ещё раз.

Спустя ещё четверть часа, проведенных за покусыванием трубки, та погасла. Андерс поднялся, вспомнив, что удобства находятся на лестнице.

На цыпочках, чтобы не беспокоить консьержку, он вышел из квартиры, не закрыв за собой, открыл дверь с известными буквами...

И выругался.

Несмотря на ужасающую вонь, место было уже занято.

Даже никогда прежде не встречав его, Андерс был уверен, что речь идет о Лорио, с первого взгляда. Тот валялся между умывальником и стеной, одна рука на крышке унитаза, голова повисла на грудь.

Мертвец...

Андерс выключил свет и вздохнул. Крови Лорио почти не потерял, только на рубашке расплылось красное пятно. Четкая рана на уровне сердца. Убийце не понадобилось наносить второй удар. Смерть была мгновенной.

Здесь тоже работа специалиста. Андерс тут же сопоставил картину с убийством Джованни Мартелло на Лионском вокзале.

Андерс лихорадочно размышлял. Совпадение, конечно, не случайно. Это подтверждало, что версия Марле была верна. Или, по меньшей мере, существует нечто настолько важное, что могло бы оправдать смерть двоих людей.

Он не мог оставить Лорио там, ожидая дальнейшего развития. Владелец второй квартиры, вне всякого сомнения, пожелает утром воспользоваться помещением. Будет лучше, если он избежит такого сюрприза.

Взяв под мышки труп, Андерс поднял его и принялся втаскивать в квартиру. Потом бесшумно вернулся удостовериться, что не осталось следов крови. С этой стороны все было в полном порядке.

Нахмутив брови, Андерс изучал безжизненное тело. Слишком поздно... Если он и знал что-то интересное, те, кто ликвидировал его, проследили, чтобы не осталось улики. Полиции конечно придется просеивать содержимое всей квартиры...

Носовым платком Андерс принялся протирать все предметы, которых он мог коснуться. Служба идентификации уже обладает замечательной коллекцией отпечатков, вовсе нет

необходимости оставлять там и свои.

Тихо прикрыв за собой дверь, он спустился на цыпочках.

Если Марле испортил ему вечер из-за этого, он ему оплатит подобным же образом. Пусть тот разбирается с трупом. Что касалось его, Андерс надеялся, что сделал все возможное. Если он решит не поднимать шума, то Лорио пролежит ещё какое-то время, прежде чем будет найден. Судя по всему уборщица приходит отнюдь не каждый день. Окна консьержки были темны. Андерс бесшумно направился к выходу. По его описанию, которое она даст полиции, те далеко не уйдут. Бояться нечего.

Надо срочно позвонить Марле, чтобы предупредить его. В этот час пивные на площади Клиши были ещё открыты. Андерс направился к проспекту.

Он не сделал и десяти шагов, как почувствовал неотвратимую опасность.

В тот же миг два силуэта в непромокаемых плащах вышли из тени и направились к нему. Андерс инстинктивно повернулся к ним лицом.

Рука вынырнула из кармана плаща. В ней блеснул револьвер с глушителем на стволе.

— Убирать тебя ещё не время, — выдохнул один из них. — Потому давай без приключений...

Его невыразительное лицо говорило, что он ни на секунду не задержится с выстрелом. Когда Андерс осторожно поднял руки на уровень плеч, он кивнул своему компаньону. Тот обошел Андерса, не пересекая линию огня, и долго ощупывал, остановившись на кармане с трубкой. Этот тоже специалист.

— Оружия нет, — сказал он, отойдя на безопасное расстояние.

Первый убрал пистолет в карман плаща, но руки не вынул. Андерс отметил, что комок в горле уже прошел. При таких аргументах не сопротивляются. Оставалось только следовать за ними.

— Шевелись! — бросил брюнет сквозь зубы.

В сопровождении двух мужчин Андерс, опустив руки, отправился в путь.

Он тотчас понял с кем имеет дело. Блондин был слишком расфуфырен и слишком недвусмысленно покачивал бедрами. Андерс внутренне вздохнул. Те самые! Парочка самых опасных убийц на криминальном рынке.

Они достигли освещенного угла проспекта Клиши.

— Направо!

Еще был народ на улице, но Андерс не питал никаких иллюзий. Если бы он и попытался что-то предпринять, твердый предмет под боком тут же рассеивал все иллюзии.

— Без фокусов!

Их машина, черный «DS», была оставлена немного дальше по проспекту. Блондин открыл дверцы и уселся на заднее сидение. Второй подтолкнул глушителем Андерса.

— Садись!

Андерс подумал, что пришло время высказать свое мнение:

— А если я не пожелаю? — спросил он. — Вы можете объяснить мне, чем это кончится?

Вместо ответа сталь ещё сильнее ткнулась в бок.

— Не стоит терять время!

Андерс изобразил гримасу и согнулся, чтобы занять место на сиденье. Выполняя они роль убийц, не стали бы ждать.

Брюнет хлопнул дверцей, устроился за рулем, запустил мотор и тронулся. Движение на улице сильно уменьшилось. На хорошей скорости «DS» направился в сторону ворот Сент-Уэн, по одноименному проспекту.

Блондин подвытащил из кармана оружие, чтобы Андерс вел себя смирно. Его голубые глаза сверкали льдинками, когда он спросил:

— Что ты делал у Лорио?

Андерс пожал плечами.

— Он должен был передать мне зелье...

Объяснение было правдоподобным. Марле объяснил ему, что осведомителю случалось быть при случае поставщиком наркоты.

Блондин разразился резким хохотом.

— Скажи кому-то другому! — возразил он. — Как будто у тебя глаза наркомана.

— Это не мне, — объяснил Андерс. — Для друга...

Брюнет наблюдал за ним в зеркало заднего обзора.

— Прекрати нести ерунду! — прорычал он. — Если бы ты пришел к Лорио от друга, то не говорил бы о наркоте, опасаясь нарваться на полицию.

— Будь вы шпиками, показали бы свои удостоверения, — возразил Андерс. — Или вы их потеряли?

Блондин с отвращением надул губы.

— Вот мерзавец! — бросил он. — Будет лучше, если ты выложишь все немедленно...

Шофер затормозил на красный свет на улице Ги-Моне. Он полуобернулся и обратился к своему компаньону, пожав плечами:

— Оставь его...Он скоро все расскажет...

Тот, казалось, ничего не слышал.

— Вначале скажи как ты туда вошел? — продолжал он. — Может быть, Лорио дал тебе ключ?

— От тебя ничего не скроешь, — хмыкнул Андерс. — Хочешь взглянуть?

Он потянулся рукой к карману. Блондин отреагировал, достав свой пистолет и направив его на Андерса.

— Только не сейчас! — сказал он сухо.

Андерс не настаивал. Тест был удовлетворительным. Тот не намеревался подвергаться ни малейшему риску. Нужно не забыть.

«DS» замедлил ход на пересечении внешних бульваров, потом проследовал прямо по бульвару к выезду Сент-Уэн. Блондин был явно заинтересован:

— Что ты сейчас делал у Лорио? — повторил он.

Андерс вздохнул.

— Я тебе уже сказал: искал наркотики для друга.

— Нет, ты пытался найти совсем другое, — оборвал блондин. Иначе...

Вмешался шофер:

— Хватит! — бросил он. — Подожди, пока приедем.

Воцарилось молчание, нарушаемое лишь шорохом шин и урчанием мотора.

Вскоре «DS» достиг Сены. Брюнет направлялся в Сен-Дени. Проехав ещё немного, он сбросил газ, включил мигалку и повернул налево по стрелке, указывавшей на закусочную.

Андерс почувствовал легкое покалывание под ложечкой. Он спрашивал себя, не стоило ли попытаться удачи в момент посадки в автомобиль. Но сожалеть слишком поздно...

«DS» остановился на бетонированной набережной, переходившей в причал. Должно быть, тот служил дебаркадером для одного из заводов на противоположной стороне дороги.

Место было мрачным. Грязные воды Сены медленно текли среди ядовитых испарений.

Брюнет вышел и тотчас открыл дверцу для Андерса.

— Приехали!

В руке он держал оружие, не пытаясь его скрыть. Блондин тоже достал свой пистолет.

Андерс отказался от малейшей попытки бежать. Он не пройдет и метра, как будет изрешечен горячей сталью.

Причал переходила в какой-то подземный склад. Многочисленные окна были застеклены темным стеклом.

Брюнет стволом указал направление.

— Вперед!

На этот раз он не приблизился. Он знал правила игры. У блондина должен быть ключ или стеклянная дверь не заперта. Он вошел и посторонился, не зажигая света внутри.

— Входи!

У Андерса не было выбора.

В тот момент, когда он переступал порог, ему показалось, что череп его раскалывается.

Свет, вспыхнувший перед глазами, говорил сам за себя. Инстинктивно он попытался удержаться и выставил вперед руки. Его ноги потеряли опору. Показалось, что он падает в вечность.

Наступила полная темнота.

ГЛАВА VII

Андерс пришел в себя не сразу.

Вначале пришла боль, острая и ритмичная, потом настала очередь тошноты. Только после этого он все вспомнил. И теперь отдавал себе отчет, что лицо его все ещё лежало на цементном полу и руки не связаны.

Затем он услышал отдаленный разговор, становившийся громче по мере приближения к нему. Начал различать слова и понял, что видимо полностью терял сознание.

Первое решение: делать вид, что ещё не пришел в себя. Несмотря на неудобное положение и дьявольскую боль в голове, он старался не шевелиться.

Прежде всего нужно узнать как можно больше.

— Петер Андерс..., журналист... Американец!... Дерьмо! У меня такое впечатление, что мы опять промазали...

Это заговорил брюнет. Андерс заключил, что тот начал изучать его документы. Значит он был без сознания несколько минут.

Блондин в свою очередь сказал:

— Может быть, его действительно навел один из наркоманов и он хотел встретиться с Лорио, чтобы написать статью или книжку...

— По-моему, такое совпадение уже слишком... — возразил брюнет, размышляя.

— Во всяком случае, я не вижу, какое отношение он может иметь к полиции.

Воцарилось молчание. Затем брюнет вновь заметил:

— Если это журналист, можно найти способ договориться с ним...

— Это не дело! — возразил партнер. — Не стоит рисковать, он донесет на нас или станет шантажировать.

Андерс внутренне ухмыльнулся. Отныне он был приговорен!

Во всяком случае, надо что-то придумать, чтобы провести блондина. Необходимо найти к нему ключ.

Звук падающих капель.

— Должен где-то быть кран...

Андерс не имел ни малейшего желания в довершение всего попасть под душ. Пока один из них грохотал железяками в поисках подходящей емкости, он попытался пошевелиться и как можно натуральнее простонать.

Это оказалось не очень легко, ибо голова у него разваливалась от боли и резонировала, словно барабан. Морщась, он просунул руку под затылок, ощупывая след удара. Крови нет, но шишка весьма приличная.

Андерс был почти разочарован. Но не стоит забывать, что это были профессионалы в своем деле. Владеют дубинкой с той же виртуозностью, что и ножом.

— Не стоит возиться, — заявил блондин. — Он отходит сам...

Андерс открыл глаза. Он лежал в комнате, куда намеревался войти, прежде чем его оглушили. Когда-то она должна была служить конторой. Кое-какая мебель ещё осталась, так же как и куча мусора, так с тех пор и не вывезенная.

Блондин держал в руках его документы. Другой направлял фонарик в глаза Андерсу.

— Теперь, надеюсь, ты будешь любезен и скажешь, что хотел узнать...

Андерс попытался подняться, опираясь на локоть, но упал опять, застонав.

Пусть он и пришел в себя полностью, не стоит этого показывать. Меньше обращают внимания на человека лишенного сил.

— Что ты вынюхивал у Лорио? — вновь начал блондин.

Андерс попытался немного приподняться, покачал головой.

— Я вам уже сказал, — выдохнул он. — Мне нужны были наркотики для друга...

— А это? — отрезал тот, тряся перед ним карточку журналиста. — Не принимай нас за идиотов! Что ты пытался выведать у Лорио?

Андерс осторожно тряхнул головой, как бы приходя в сознание, встал на колени.

— Так или иначе, ты кончишь тем, что будешь харкать кровью, продолжал блондин. — Так почему бы не образумиться сейчас?

Второй уселся на угол стола, привалившись к стене. Он с деланным безучастием наблюдал за происходящим. Андерс закачался, будто вот-вот упадет.

— Итак? — напирал нетерпеливо блондин.

Андерс медленно поднял голову и посмотрел на него. Пренебрежительная гримаса исказила его черты.

— Пидаров твоего масштаба я...

Ответ не заставил себя ждать. Блондин яростно сжал губы и пнул Андерса мыском ботинка.

Тот только этого и ждал...

Сомкнув в замок руки, он боком подкатился к ноге, пытавшейся ударить его прямо в грудь. От удара перехватило дыхание, но стопу он блокировал.

Продолжая свое движение, он навалился изо всех сил на ногу, не выпуская её.

Потеряв равновесие, блондин грохнулся вперед, закричав от боли. От удара по голове из глаз посыпались искры, но это не остановило Андерса. Так же как и удар ногой, который он самортизировал своим броском. Сгруппировавшись в падении, Андерс навалился блондину на спину, когда тот упал на пол. Заблокировав его всем телом, сунул руку в карман плаща, сжал рукоятку пистолета и выхватил его.

Брюнет наконец все понял и схватился за свой пистолет. Все же, опасаясь задеть своего компаньона, он задержался с выстрелом на долю секунды.

Андерс не был столь щепетилен. Отскочив назад, он выстрелил, и, по-видимому, удачно.

Получив пулю в переносицу, брюнет съехал на спину. Рефлекторно он нажал на спуск, прежде чем отдал Богу душу.

Плоф! Приглушенный глушителем выстрел превратился в смехотворный хлопок. Напротив Андерса блондин, пытавшийся встать на ноги, издал душераздирающий крик. Он открыл рот, захрипел, попытался удержаться и рухнул на бетонный пол лицом вниз.

Второй свалился со стола, на котором сидел, со скрещенными руками. Не было ни малейшей надежды, что он шевельнется...

Андерс с трудом встал, поднял фонарик, упавший не разбившись, и пошел проверить состояние блондина.

Тот получил пулю своего компаньона меж лопаток и тоже был мертв...

Андерс покачал головой. Если ситуация и развивалась успешно для него, он ни на сантиметр не продвинулся. Труп никогда не проболтается. А два тем более!

Оба пистолета были снабжены глушителями, нечего беспокоиться, что кто-то мог услышать выстрелы. Удостоверившись в этом, Андерс принялся искать свои документы, бумажник и все остальное, что у него исчезло.

Затем он принялся опустошать их карманы.

Никаких документов... Ничего, за что можно уцепиться. Единственной находкой оказалось фото блондина с надписанным именем: Ганс. М-да, не густо.

Мало шансов, что они фигурируют в картотеке полиции. Но его волновало не это, а кто их послал убрать Лорио и следить за проходящими к нему. Все начинать с нуля!

Чисто подсознательно Андерс принялся повторно осматривать их одежду. Мудрое решение. В кобуре брюнета он нашел визитную карточку, пропущенную при первом просмотре. Нет, решительно удар по голове не лишил его сообразительности.

Визитная карточка в действительности оказалась карточкой бара на улице Ренне под названием «Аллигатор». Как зацепка — слабовато, но все лучше, чем ничего.

На этот раз действительно все. Андерс решил покинуть место происшествия. Не доставало еще, чтобы полицейский патруль заметил «DS» на причале и заинтересовался.

Что до парочки, их нужно оставить на месте. Марле заберет или их найдут с наступлением дня. Для него это ничего не изменит.

Прежде чем выйти, Андерс тщательно вытер пистолет, которым воспользовался, убирая отпечатки. Затем вложил его в руку блондина. По такой картине, если не вмешается Марле, полиция заключит, что они убили друг друга.

Он протер и все остальное, включая ножи с предохранительной кнопкой, бывшие у них, и разложил по их карманам. Так же он поступил с фонариком.

Свежий ветер на улице показался ему прекрасным. Даже головная боль, казалось, унялась.

Он привычно бросил взгляд под коврик «DS» и в ящичек для документов. Ничего: ни водительских прав, ни страхового полиса или квитанций оплаты. Скорее всего краденая машина.

Андерс завел мотор, сделав полукруг, развернулся, и направился по спуску, чтобы выйти на трассу. Он считал, что для одной ночи вполне достаточно.

И все же ему ещё предстояло позвонить Марле, чтобы ввести в курс дела.

Возле Клиши Андерс зашел в бар, хозяин которого уже собирался закрывать. Тем не менее он уговорил обслужить его и продать один жетон. Выпив коньяку, закрылся в телефонной кабине и набрал домашний номер Марле.

Тот ответил не сразу. По голосу чувствовалось, что он уже спокойно спал.

— Петер у аппарата, — сообщил он. — У меня тройное...

Молчание, последовавшее за словами, могло интерпретироваться различным образом.

— Ты спишь или что? — настаивал он. — Я тебе только что сказал, что...

— Я слышал, — возразил Марле угрюмым голосом. — Я только что ущипнул себя, чтобы убедиться, что не сплю.

Он пробормотал что-то невнятное и добавил:

— Давай сюда! Поговорим...

— Для начала, есть двое, но не со мной. Первый — Лорио. Он принимал у себя пару типов, которые пригласили меня на маленькую прогулку...

В образном виде он принялся пересказывать вечерние события. На другом конце провода Марле, казалось, не был особенно доволен.

— Где это произошло?

— Я не знаю точно название набережной, — ответил Андерс. — Это между мостами Сент-Уэн и Сен-Дени. Метров через сто пятьдесят ты увидишь магазин запчастей и подземную стоянку для автомашин.

— Записано! — сказал Марле. — Я не знаю еще, как обернутся дела...

— На всякий случай я напомню тебе, что это ты направил меня к Лорио, оборвал его Андерс. — В остальном — это мое и их дело. У меня не было выбора. Я не нашел лучшего способа законной защиты...

Марле глубоко вздохнул.

— Попытаюсь утрясти, — вздохнул он. — Где я могу тебя подобрать?

— В данный момент нигде, — ответил Андерс. — Мне хочется спать.

Тем не менее они договорились о встрече днем и повесили трубки.

Андерсу нужно было ещё забрать свой «BMW» перед тем, как вернуться домой. Чтобы избежать риска нарваться на патруль, он предпочел оставить «DS» на площади и взять такси.

* * *

В комнатах было темно, когда Андерс тихонько открыл дверь.

На какое-то мгновение он испугался, что Беатрис ушла, не осталась ждать. Но вид её сумочки в прихожей его успокоил. На цыпочках он подошел к двери спальни и не зажигая света проскользнул внутрь.

Девушка спала, её великолепные светлые волосы разметались по подушке. Не будя её, он разделся в темноте. Быстро почистив зубы в ванне и стараясь не шуметь, вернулся в комнату и, склонив голову, какое-то время ею любовался.

Действительно, он потерял бы многое, если бы его выловили из Сены...

Девушка не пошевелилась, когда он осторожно пробрался под одеяло. Быстро поняв, что ему предстоит непродолжительный сон, он без сожаления решил остаться на краю кровати. Но, не смотря на эту предосторожность, её тепло и легкий аромат духов очень скоро обволокли его.

В подобных условиях трудно уснуть!

Собрав всю свою волю, он принялся считать слонов.

Набралось уже приличное стадо, когда девушка инстинктивно почувствовала его присутствие. Теплая маленькая ручка, отправившаяся наощупь на поиск, наткнулась наконец на что-то интересное...

Слоны моментально исчезли!

Андерс напрасно пытался собрать стадо; ему больше было не до сна.

Удовлетворенно воркуя, девушка придвинулась и прижалась к нему. Он почувствовал под своей рукой тугую округлую грудь. Теплое и нежное бедро коснулось его. Щека легла на его плечо, и поток шелковистых волос защекотал шею.

Андерс подумал, что надо либо её разбудить, либо самому отправляться спать на кушетку в гостиной...

Тут же он услышал мягкий смеющийся голос, прошептавший на ухо:

— Ты же не думаешь, что я спала?

С плохо скрываемым удовольствием Андерс изобразил величайшую усталость и продемонстрировал шишку величиной с голубиное яйцо, украшавшее его затылок.

Напрасный труд! Женщина прекрасно знала, что ей нужно...

ГЛАВА VIII

Было чуть больше одиннадцати, когда Андерс покинул квартиру, где Беатрис спала, сжав кулачки; он не счел нужным будить её.

Две «алка-сельтер» избавили от головной боли, напоминавшей о бурном вечере.

Немногим ранее Стефан Марле позвонил ему, чтобы сообщить последние новости. Два головореза, пленившие его, не фигурировали в полицейской картотеке. По-видимому, с ними встретились впервые.

С другой стороны, «DS», естественно, был угнанным. И с этой стороны надеяться было не на что. По делу было начато обычное расследование. Учитывая скудость исходного материала, рассчитывать на его быстрые успехи не приходилось. Полиция, кажется, склонна была считать, что речь идет о сведении счетов. Марле уверил Андерса в убедительности его инсценировки.

В Париже наладилось уличное движение. Визиты африканских королей стали редкими и основные магистрали были открыты. Андерс добрался до Латинского квартала по Елисейским полям и бульвару Сен-Жермен.

Как он и ожидал, «Аллигатор» оказался пристанищем гомосексуалистов. Впрочем он был не единственным в квартале, известном открытостью всех мыслимых и немыслимых видов самовыражения.

Только мужчины, по крайней мере с виду. Около десятка их потягивали аперитив и болтали о пустяках. Никаких эксцессов с одежаниями. С виду полнейшая порядочность...

Местечко было обставлено со вкусом. Сверхсовременный декор и разделенные переливающимися синтетическими панно кабины. Наверх вела лестница, там находился зал ресторана.

Бармен, судя по виду, не принадлежал к пятому интернационалу. Андерс игнорировал вопрошающие взгляды, преследовавшие его от самого входа, и устроился возле стойки.

— «Американо 505».

Сказано — сделано. Когда бармен повернулся, чтобы заняться стаканами, Андерс знаком подозвал его.

— Да?

Сунув руку в карман и достав оттуда банковскую купюру, Андерс сложил её таким образом, что

виднелись цифры «50».

— Я ищу двух приятелей, — объяснил он. — Не могу найти их адрес...

Бармен изучил купюру, потом бросил хмуро:

— Я не знаю...

Андерс достал из кармана вторую купюру, идентичную первой.

— А вот так?

Интерес к новичку миновал, никто больше не смотрел в их сторону.

— Говорите, не останавливайтесь, — произнес бармен, продолжая свое дело.

— Они всегда вместе, — уточнил Андерс. — Один блондин, а другой брюнет. Блондина зовут Ганс...

Бармен остановил его, нахмурил брови, засомневался.

— Шпик? — бросил он так, будто слово жгло ему губы.

Андерс отрезал:

— У меня что, голова похожа?

Он пошуршал купюрой между пальцев, добавив:

— Обычно шпики приводят другие аргументы!

Бармен все ещё колебался.

— Что вам надо от них? — решился он спросить.

— Кое — что вспомнить, — ответил Андерс. — Это два моих давних друга...

Бармену это не показалось убедительным. Может быть его цена была выше.

— Итак? — настаивал Андерс, делая вид, будто собирается убрать купюры.

Жест решил все. Бармен протянул руку и забрал деньги, те тотчас исчезли, будто по мановению волшебной палочки.

— Ганс Генрих и Жерар Корман, — пробурчал он сквозь зубы. — Они живут в номере 3 «бис», улица Бельшасс.

Он прервался, чтобы осмотреться вокруг, потом спросил:

— Что им передать, если я их увижу?

Андерс подумал, что ничем не рискует.

— Все что, сочтешь нужным...

Он оставил пятифранковую монету на стойке в уплату за питье и поднялся, не дожидаясь сдачи. Затем, не оборачиваясь, он направился на улицу Фур, где его ждал «BMW».

Дело приняло надлежащий оборот. Успех, конечно, незначительный, но он был на верном пути.

* * *

Как только Андерс удалился, высокий истощенный тип подошел к стойке.

— Что это за парень? — осведомился он у бармена. — Шпик?

Тот пожал плечами.

— Не думаю...

— Чего он хотел?

— Ганса и Жерара, — ответил бармен. — Я дал ему их адрес.

Высокий кивнул.

— Хорошо, — просто ответил он.

* * *

Андерс остановил свою машину перед Орлеанским вокзалом, вышел и закрыл дверцу на замок.

Погода была ужасной. Небо затянуто тяжелыми облаками, предвещавшими дождь. Появилась небольшая изморось, намочившая улицы.

Номер 3 «бис» по улице Бельшасс был почти рядом. Это был огромный дом, расположенный почти напротив Музея Почетных легионеров, солидный и роскошный.

Андерс вошел в вестибюль. Не было необходимости справляться у консьержки. Список жильцов находился за стеклянной дверью. Андерс просмотрел его и увидел, что какой-то Жерар Корман живет на шестом.

Он отказался от лифта. На каждой лестничной клетке две двери. Судя по табличке, интересующая его — слева.

Не найдя ключей в карманах парочки прошлой ночью, Андерс вынужден сейчас использовать подручные средства. Замок неудобный, но вполне возможно его открыть не слишком напрягаясь.

В здании все было тихо, но всегда существует риск, что кто-то выйдет из соседней квартиры и поднимет крик. Что касается других жителей, опасность минимальна, ибо шум лифта его предупредит.

Прежде чем приняться за работу, Андерс нажал на кнопку звонка. Ни к чему терять время, если кто-то есть внутри.

Никто не ответил.

Андерс достал тогда свою универсальную отмычку-предмет зависти любого квартирного воришки — и принялся за замок. Тот был хорошо продуман против хитрецов подобного рода. Дело шло туго...

Внезапно Андерс почувствовал присутствие посторонних за спиной. Он обернулся. Двое мужчин бесшумно появились на лестнице.

Андерс вновь выругался. Нет никакого сомнения, он попался. Направленный на него маузер одного из них говорил сам за себя.

— Итак, — хмыкнул вновь прибывший, — навещаем старых друзей?

Андерс словно получил удар под дых. Бармен! Ему ничто не мешало предупредить сообщников вчерашней парочки, и те не теряли ни секунды, чтобы явиться неожиданно. Самая элементарная осторожность требовала от него проследить, нет ли хвоста.

Второй бандит был примерно такого же склада, что и первый: толстый, загорелый, хмурый взгляд и бугристое лицо. То, что он не счел нужным достать оружие, казалось, указывало, что он служит обоим мыслительным аппаратом.

Он охотно рассмеялся, показав при этом золотые зубы.

— Непростой замок! — сказал он. — Нужно было попросить ключ...

Андерс, улыбнувшись, понял, что произошло. Ганс Генрих и Жерар Корман накануне, видимо, оставили все свои личные вещи в «Аллигаторе», прежде чем направиться к Лорио. И если они не вернулись их забрать, бармен сделал единственный логический вывод.

Бандит достал связку ключей из кармана, пока его спутник держал Андерса на мушке.

— Ты, в сторону! — приказал он. — Ты ведь собирался заглянуть туда, не так ли?

Андерс предусмотрительно отошел, подняв руки. Нет смысла злить хозяев здесь, на лестничной клетке. Тот, другой, не спускал с него глаз, следя за малейшим движением.

Открыв дверь, бандит вошел. Андерс проследовал за ним, следя, чтобы ночное происшествие не повторилось. Одной шишки достаточно.

Маузер все ещё следил за ним, и он послушно проследовал за своим гидом в прихожую, затем в салон. Ковер во всю стену, старинная мебель, гобелены. Просто конфетка. По стенам развешены экзотические ножи и коллекция холодного оружия, среди которого великолепная дамасская шпага.

После того, что произошло с теми двумя прошлой ночью, Андерс не питал ни малейших сомнений относительно уготованной ему судьбы. Колебаться не стоило.

Бандит с маузером был в полутора метрах от него сзади.

— А-а-а! — Андерс взвыл хриплым от ужаса голосом, указав рукой на стену.

Оба уголовника повернули головы в ту сторону.

Буквально миг, но этого было достаточно. Андерс рванулся как молния. Быстрый разворот, потрясающий удар левой под руку с оружием, правая рука рвет плечо, а колено идет вверх, в

челюсть противника...

Удар страшен, и издав вопль смертельной боли, тот бросает оружие.

Второй понял слишком поздно. Сунул руку во внутренний карман своей куртки. После атаки Андерс оказался у стены, далековато от него, чтобы войти в контакт прежде, чем тот нажмет на спусковой крючок. У него не было выбора. Выхватив один из ножей, висевших на стене, он метнул его в тот миг, когда бандит выстрелил.

В тот момент когда лезвие вошло в горло противника по самую рукоятку, Андерс почувствовал жгучую боль, опалившую бок.

Застонав, он согнулся пополам, инстинктивно схватившись руками за рану. Пальцы ощутили липкую и теплую жидкость. Но не время было жалеть себя. Тот, кого настиг нож, свалился как сноп, но другой уже шевелился, пытаясь поднять свой маузер.

Сжав зубы от боли, Андерс ударил ногой из всех сил. Удар носком ботинка пришелся в затылок, бандит отлетел к стене и больше не шевелился.

Андерс открыл рот, чтобы перевести дыхание. Его бок корежило болью. Пуля прошла сквозь бок над бедром. Пальцами он ощупал рану. Судя по всему, были затронуты только мускулынаименее страшное из того, чего он боялся.

Как бы там ни было, теперь об осмотре квартиры и речи быть не могло. Два выстрела должны были поднять чертовский переполох, и полиция не заставит себя ждать.

Зажав носовым платком рану, Андерс вытер рукавом рукоятку ножа. Потом, проверив карманы нападавших, он сунул их бумажники в свой карман.

Его одежда была обагрена кровью. В таком виде трудно остаться незамеченным. Быстрым движением он снял габардиновый плащ с оглушенного и набросил его на свою непромокаемую куртку.

На лестнице пока никого не было. По-видимому, жители дома предпочитали дожидаться прибытия стражей порядка у себя. Нужно сматываться как можно быстрее и предпочтительно по-тихому.

Андерс направился на поиски кухни. Как он и надеялся, у квартиры был черный ход. Зажимая бок рукой, чтобы рана не кровоточила, он вышел.

На служебной лестнице был даже лифт, стоявший на шестом этаже. Напрягая слух, чтобы услышать сирену прибывающей полицейской машины, Андерс вызвал его и нажал на кнопку первого этажа.

Спуск показался ему бесконечно долгим. Внизу оказался небольшой вестибюль с отдельным выходом. И никого.

Андерс осторожно выглянул на улицу, слегка приоткрыв дверь. На улице никакой толпы. Небольшой фургончик стоял во втором ряду.

Его рана давала знать о себе все сильнее и Андерс уже готов был его позаимствовать. Но это был ненужный риск, вдруг вернется водитель...

Стараясь идти как можно ровнее, он направился к Сене.

Полицейский фургон появился в конце улицы в тот момент, когда он сворачивал на улицу Анатоль-Франс. Ему оставалось совсем немного...

«BMW» стоял не тронутым. Не теряя ни секунды, Андерс сел за руль и поехал в сторону площади Конкорд.

Никогда ещё дорога до Нейи не казалась ему столь долгой. Кровотечение прекратилось, но ему казалось, что весь левый бок, онемев, превратился в стальную пластину. К счастью пробок не было.

Домой он добрался весь в холодном поту.

Беатрис уже не было и Андерс счел, что это к лучшему. Он прекрасно представлял себе её «восторг» при виде его, окровавленного с головы до ног.

Выпив глоток «Олд Кроу» для восстановления красных кровяных шариков, он снял телефонную трубку, чтобы связаться со Стефаном Марле. Выяснение отношений может быть бурным, но ещё хуже этого не сделать.

А потом он сможет предаться самой тяжкой части удовольствия. Если ожог вокруг раны и может заменить антисептик, все же нужно ею как следует заняться.

* * *

Стефан Марле приехал, когда Андерс начал изучать содержимое бумажников с улицы Бельшасс. Он, казалось, был удовлетворен увиденным.

— Ну как?

Андерс вздохнул.

— Чуть левее или правее-было бы хуже, — ответил он. — А так — дело нескольких дней...

Его друг-медик, живший неподалеку, уже заходил привести рану в порядок и сделал противовоспалительный укол из чистой предосторожности. По его словам, он легко отделался.

— Хорошо, — поморщился Марле. — Я полагаю, опять законная самооборона?

Андерс возразил.

— А это что, по твоему? — показал он забинтованную рану.

Марле был готов что-то сказать, но осекся и просто пожал плечами.

— Я замечу тебе, между прочим, что тебя не слишком задело, — заметил он. — Второй удрал на всех парусах с приездом полиции. Соседская прислуга видела, как он выскользнул по служебной лестнице, пока взламывали входную дверь.

Гримаса Андерса была достаточно красноречивой.

— Ну конечно...

Он указал на документы обоих бандитов, разложенные на столе.

— Налей себе что-нибудь выпить и взгляни на это.

Марле принялся скептически изучать документы.

— Можно объявить розыск сбежавшего, — заявил он. — Больше не за что зацепиться!

Андерс иронично покосился на него.

— Ты достаточно внимательно смотрел?

— Объясни.

Андерс взял одну из чистых карточек, похожих на визитки, и посмотрел на неё под острым углом.

— Скажи мне, что ты видишь... — он протянул её Марле.

Заинтригованный, тот проделал то же самое и тотчас же присвистнул.

— Её подкладывали, когда что-то писали шариковой ручкой, прокомментировал он с видимым интересом.

Взяв пепел из пепельницы, стоявшей на столе, он принялся проявлять едва различимую надпись на картоне.

Андерс склонился, чтобы прочесть одновременно с ним. Там оказалась лишь одна строка:

Марсель Дофор. Уход за материальной частью. Орли.

Мужчины переглянулись, видимо думая об одном и том же.

— Ты думаешь, он может быть одним из перевозчиков в Штаты? — спросил Марле спустя мгновение.

Андерс надул губы.

— Я ничего не знаю, — признался он. — Это слишком просто, чтобы быть правдой, но ведь мы ничем не рискуем, если проверим. Я думаю, у тебя есть агентура в Орли...

Марле довольно потер руки.

— Слишком просто, чтобы быть правдой! — повторил он, затем задумчиво добавил. — Во всяком случае я наведу справки завтра утром. Там будет видно.

Видя, что Андерс собирается что-то сказать, он жестом остановил его.

— Для тебя все! — заявил он. — Ты достаточно натворил дел...

И ухмыльнулся.

— Для начала займись лечением, здесь, в своем кресле. Потом посмотрим.

Андерс хотел протестовать, но резкое движение заставило его скорчиться от боли.

— Вижу, что ты согласен! — иронично заявил Марле.

В этот момент входная дверь открылась, затем закрылась. Беатрис вошла в комнату и тут же замерла, заметив бинты под пижамой у Андерса.

— Дорогой!

Она устремилась к нему, бросив убийственный взгляд на Марле.

Тот собрал документы, бумагаи и бросил лукавый взгляд на Андерса.

— Я буду держать тебя в курсе, — пообещал он.

Потом обратился к девушке:

— Я покидаю вас, но позаботьтесь, чтобы он не выходил...

ГЛАВА IX

Клод Фалле был секретным сотрудником. И задача его состояла в том, чтобы не привлекать к себе внимания. Нужно было оставить его одного на пляже, чтобы заметить. Чуть выше среднего роста, ни полный, ни худой, он был одет как все. На нем любая одежда автоматически становилась неброской.

Уже три дня он наблюдал за Марселем Дофором в Орли. Но наблюдение это до сих пор не дало результата.

Дофор был полноватым типом, у которого волосы, по всей видимости сбежав с головы, перебрались на руки. Если бы не огромная лысина, его с легкостью можно было бы принять за одну из тех огромных обезьян, что водятся в тропиках. Он не вызывал симпатии и по-видимому не состоял в чрезмерно дружеских отношениях с коллегами.

Погружаясь в работу, Фалле тем не менее старался не выпускать его из поля зрения. Он не знал причин, по которым заинтересовались Дофором. Ему просто велели не оставлять того без присмотра и давать отчет о замеченном. Хоть он и занялся этим всерьез, результат был отрицателен.

Дело шло к обеду, когда раздался голос:

— Дофор! Телефон...

Дофор в этот момент занимался буксировкой приземлившегося «боинга».

— Сейчас иду...

Не мешкая, Фалле направился в конец ангара, где находилась телефонная кабина — возле туалетов, подальше от шума.

Когда Дофор вошел в нее, Фалле пристроился с другой стороны перегородки. Он уже достал из кармана инструмент, похожий на шприц. Воткнутый в перегородку острым концом, он способен был воспринимать малейшие колебания. Достаточно поднести ухо к противоположному концу устройства и можно слушать.

Фалле с сожалением подумал, что аппарат не позволит ему разобрать, что говорит звонивший, но голос Дофора был слышен четко.

— Как ты говоришь?... Этим вечером, Нью-Йорк... Нормально, есть два готовых, но Оскар-Эхо предупредил...

И чуть позже:

— Но я думал, что поставок больше не будет и что на время все затихнет... Согласен, не нервничай, я все сделаю... Договорились, я займусь...

Щелчок известил о том, что Дофор только что повесил трубку.

Фалле из предосторожности закрылся в самой дальней кабине и спустил воду, на случай, если Дофор надумает зайти в туалет.

Когда он вышел некоторое время спустя, Дофор уже вернулся к «боингу».

С ничего не выражающим и добропорядочным видом Фалле, в свою очередь, вернулся к работе. Часы показывали одиннадцать часов двенадцать минут. Работу они заканчивали работу в полдень и вновь начинали в два. Таким образом, у него были три четверти часа, чтобы передать отчет о только что подслушанном разговоре.

* * *

Андерс попытался осторожными движениями проверить возможностью управлять своими мускулами, когда зазвонил телефон. Он подошел снять трубку.

Звонил Стефан Марле.

— Я думаю, кое-что наконец зацепили, — сообщил он сразу же.

Андерс почувствовал, что его интерес резко возрос.

— Дофор? — спросил он.

— Точно, — подтвердил Марле. — Все говорит о том, что он разместил пакет на борту «боинга», отбывающего сегодня вечером в Нью-Йорк.

Он на мгновение замолчал, прежде чем продолжил:

— Сегодня утром ему позвонили, а наш наблюдатель смог подслушать. Он тотчас предупредил нас и мы смогли установить скрытое наблюдение. В полдень Дофор получил пакет.

— Вы смогли засечь тех, кто его передал? — обеспокоенно спросил Андерс.

Марле вздохнул.

— Пакет подложили немного раньше, — сказал он. — С этой стороны не на что надеяться. Как бы то ни было, Дофор без видимых причин поднялся на борт «боинга» с ящиком для инструмента. Наш человек не рискнул следовать за ним, но можно полагать наверняка, что он разместил его в хвостовом отсеке.

— Вы не пытались проверить? — перебил Андерс.

— А ты что думал, конечно! — ответил Марле. — Как только самолет отогнали на стоянку, мы послали кое-кого на борт в униформе авиакомпании. И все же он не многого добился, — мы не хотели рисковать, ведь мог быть второй сообщник, наблюдавший за товаром.

— Результат?

— Наш человек думает, что пакет спрятан в женском туалете, — объяснил Марле. — Одно табло, по его словам, было отвинчено. Он не решился ничего трогать, на случай, если есть какой-то знак-предупреждение, что посылка найдена.

Андерс подумал, что это действительно очень мудро.

— Что вы решили в конечном счете? — спросил он.

— Оставить все как есть... — ответил Марле.

Андерс рассмеялся.

— А если это бомба?

Марле проворчал:

— Надеюсь, нет! Не каркай!

— Вы что-нибудь предприняли в Нью-Йорке? — забеспокоился Андерс.

— Разумеется! — ответил Марле. — Уже связались с американцами.

— Ты не желаешь, чтобы я попутешествовал? — намекнул Андерс.

Марле ухмыльнулся.

— Спасибо, — ответил он. — Но я хотел бы, чтобы дело утряслось без несчастных случаев.

* * *

Пассажиры все вышли, то же собирался сделать экипаж. Уже была на борту команда уборщиков и техников, чтобы подготовить «боинг» к обратному полету на старый континент.

Джеймс Флаэрти принялся проверять лампы и индивидуальные вентиляторы, закрепленные над креслами пассажиров. Краем глаза он видел одного уборщика, проникшего в хвостовую часть, в женский туалет, с пылесосом. Вроде ничего ненормального. Если не считать, что уборщик находился там значительно дольше обычного.

А когда тот вышел, его сумка для мусора была слишком набита.

Больше Флаэрти ничего не было нужно. Он закончил ковыряться в светильниках и покинул самолет, пока уборщик возился с пылесосом.

Ступив на землю, Флаэрти направился к автомобилю с надписью «Следуй за мной», ничем не отличающемся от других. С вопрошающей миной Льюис Кинг ждал за рулем.

— Дело за тобой, — заявил Флаэрти. — Это уборщик мусора. Пакет у него в сумке с отходами.

Пока Кинг выходил из машины, он взял микрофон, чтобы предупредить команду, наблюдавшую за самолетом в бинокль из здания аэропорта.

Его миссия кончилась. В подобных делах главное-не попасться поднадзорному на глаза два раза подряд.

Он переключился на Кинга, делавшего вид, что осматривает шины автомобиля.

Прошло минут двадцать прежде чем уборщик появился со своими причиндалами. Кинг тотчас сел ему на хвост.

Следуя на расстоянии, он видел очень четко негра, несущего коричневый холщовый мешок в сумке авиакомпании, взятой им в помещении, где рабочие оставляли свой инструмент. Он проследовал за ним вплоть до автоматических камер, куда негр положил сумку.

По инструкции он должен был следить за пакетом, а не за человеком, потому оставил уборщика в покое. Его часть операции также была закончена. Джон Вильямс, прикрывавший его на расстоянии, принял слежку. Иными словами, он ввел его в курс и, в свою очередь, удалился для доклада.

Тем временем человек, осуществлявший координацию действий агентов, опознал негра. Того звали Том Харли.

Теперь проблема заключалась в установлении слежки, как можно более скрытной, но и в то же время эффективной, за автоматической камерой хранения.

* * *

Фред Патерсон и Джордж Хайлер находились на переднем сидении черного «шевроле» с выключенным мотором. Они вели наблюдение за стоянкой у аэропорта Кеннеди, внимательно следя за сообщениями по радио. Было девять тридцать утра.

Они прибыли в восемь, чтобы сменить ночных наблюдателей. Еще две машины были в резерве.

Пакет, положенный Томом Харли в автоматическую камеру хранения, все ещё находился там. Никто за ним не пришел.

Патерсон только что прикурил сигарету, когда раздался голос из динамика:

— Кремовый «форд галакси» 1969 года выпуска... Только что тронулся в сторону выхода... Двое в кабине... Номер...

Джордж Хайлер запустил мотор и рванул с места, пока Патерсон брал микрофон и повторял данные, чтобы избежать возможной ошибки.

Вскоре они увидели «галакси», только что вышедший на автостраду, и пристроились на почтительном расстоянии. Две других автомашины последовали за ними, через какое то время пристроившись в хвосте. Каждая из них не была похожа на другие ни по цвету, ни по модели, чтобы нельзя было быстро определить слежку.

Движение не было интенсивным, но достаточным, чтобы между «галакси» и ними оставалось несколько машин.

Внезапно две из шедших впереди машин начали выделять странные зигзаги. Выругавшись,

Джордж Хайлер резко нажал на тормоз, чтобы не наткнуться на «бьюик», вставший почти поперек дороги.

Чувствуя, что не сможет справиться, он понял, что сейчас «шевроле» врежется.

Увидев блестящие точки, перегораживавшие шоссе, он молниеносно понял, что с ними сыграли злую шутку.

Затем последовал мощный удар и он всей грудью врезался в руль.

Пассажир «форда галакси», зло рассмеявшись, обернулся взглянуть на результат.

Никакая шина не устоит перед четырехсантиметровыми стальными шипами...

Сзади автомобили врезались один в другой. Даже в кино он никогда не видел ничего подобного. Отличная работа!

Глядя в зеркало заднего обзора, водитель увеличил скорость и перешел на левую полосу, чтобы обогнать автомобили, соблюдавшие скоростной режим. Он тоже смеялся.

— Нечего бояться что федералы прорвутся! — бросил он. За время, что они потратят, выбираясь из пробки, можно повеситься...

Пассажир весело поддакнул.

— Вот что Харли устроил следившему за ним типу...

Он похлопал пакет, завернутый в коричневое полотно, который они взяли в автоматической камере хранения.

— Во всяком случае, этим ребятам не позавидуешь, — прокомментировал он. — Нужно бы им навести порядок в своих делах.

Не сбавляя скорости, водитель обошел другие потоки машин, чтобы не проколоться в конце. Двумя улицами дальше их должен ждать второй автомобиль. Прежде чем приметы «галакси» будут переданы по радио, они будут далеко...

* * *

Клод Фалле вышел из аэропортовского автобуса, собиравшего служащих различных служб технической поддержки, чтобы доставить их к ближайшей остановке общественного транспорта.

Как и следовало ожидать, после отгрузки накануне день не принес никаких неприятностей. Дофору больше не звонили и он спокойно занимался своей работой. Обычная рутина...

Двое мужчин оказались в компании пятнадцати дам на обочине национальной магистрали номер 7, шагая к остановке автобуса, связывавшего Париж с Орли. Наступила ночь, собирался дождь.

Дофор только остановился, чтобы закурить сигарету, как вдруг дважды вздрогнул. Бросив сигарету и зажигалку, он схватился руками за живот и рухнул на дорогу.

Фалле понял. Убийца, должно быть, использовал глушитель, звук которого был покрыт шумом

проходящего грузовика. На полном ходу темный «404» пошел на обгон и исчез в потоке машин.

Фалле хватило нескольких шагов, чтобы оказаться у Дофора. Тот ещё не умер, но это было делом нескольких секунд. Он получил две пули в живот. Убийца использовал крупнокалиберное оружие.

Фалле подвел руку под голову несчастного и слегка приподнял её. Собравшиеся вокруг люди не поняли до конца случившегося и смотрели с болезненным любопытством. Запоздало вскрикнула женщина, заставив обратить внимание тех, кто ничего не заметил.

— Кто тебя убрал? — с нажимом спросил Фалле.

Умиравший не потерял сознания и посмотрел на него.

— Ты не должен позволить негодьям спокойно разгуливать! — настаивал он. — Кто это?

Для столь неприметного человека он обладал весьма убедительным голосом.

Дофор попытался сказать, но икота привела к появлению струйки крови в складке губ, а черты лица перекошились от боли.

— Я обещаю тебе заставить их заплатить, — сказал Фалле.

Он должен был склониться и поднести ухо к губам несчастного, чтобы уловить шепот.

— Чарли... Тупик Лепик...

— Фамилии! — настаивал Фалле. — Назови мне фамилии...

Дофор попытался, но его шепот потонул в потоке хлынувшей крови.

Все его тело напряглось, как под действием электрического тока. В выкатившихся глазах застыл невообразимый ужас. Потом он весь сразу обмяк.

— Нужно найти доктора..., сказал Фалле, положив его голову, чтобы встать.

В действительности уже ни один доктор не мог помочь Дофору, но Фалле нужно было остаться ни в чем не замешанным.

Прибыли два полицейских, привлеченные криками и скоплением народа.

Фалле затерялся в толпе любопытных, любителей поглазеть.

Потом тихонько удалился.

ГЛАВА X

Андерс колебался в выборе пластинки, когда раздался звонок в дверь. Он положил их на проигрыватель, прежде чем отправился открывать.

Там был Стефан Марле.

По одному выражению его лица Андерс понял, что не все идет гладко.

— Входи...

Марле сбросил мокрый плащ и они прошли в салон.

— Как твой бок?

Андерс постучал по нему, удовлетворенно улыбаясь.

— Готов приступить, — убежденно заявил он, прежде чем продолжил: Судя по виду, это ты не в лучшей форме...

Марле плюхнулся в кресло и достал сигареты.

— Новости из Нью-Йорка, — объявил он упавшим голосом. — Твои приятели из ФБР дали провести себя как сосунки.

Андерс тотчас открыл буфет, где помещался бар.

— Нечего надеяться на тех парней! — прокомментировал он насмешливо. Было бы лучше, если бы ты послал меня туда, вместо того, чтобы связываться с ними...

Марле хмуро усмехнулся.

— Как — никак, но в результате есть погибшие, — добавил он.

И принялся объяснять каким образом пассажиры «форда галакси» взяли пакет из автоматической камеры аэропорта Кеннеди, затем создали чудовищный затор на автостраде, чтобы избавиться от преследовавших их автомобилей.

Андерс расставил стаканы и достал бутылки. Он склонил голову.

— После такого удара они должны понять, что след ведет во Францию, заметил он. — Ты занимался Дофором?

Марле бросил на него скорбный взгляд.

— Не беспокойся, уже все сделано, — сказал он мрачно. — Он в морге. Они убрали его только что в Орли...

Он детально изложил происшедшее, прежде чем заключил:

— Справки наведены, «Чарли» — бар на Пигаль, наполовину притон педерастов, наполовину место встречи наркоманов. Это единственный оставшийся след...

— Бармен «Аллигатора»? — вмешался Андерс.

Марле поморщился.

— Исчез из поля зрения, так же как и тот, кого ты оглушил на улице Бельшасс, — ответил он. — Или они располагают приличным укрытием, или их найдут однажды в болоте или Сене.

Андерс потер подбородок.

— Я думаю, что ты пришел не для того, чтобы все это рассказать?

— Можно организовать облаву в «Аллигаторе» или «Чарли» — как бы размышляя произнес Марле. — Все же очень мало шансов, что-то из этого выловить. Они поймут, что мы водим вилами по воде...

— Вижу, — согласился Андерс. — И, поскольку я вновь холостяк, время пообедать вместе. А затем я прогуляюсь в твой «Чарли».

* * *

Направляясь к площади Бланш, Андерс думал об организации торговцев наркотиками. Предприятие существует все на тех же принципах. Его можно сравнить с образом гидры или дерева несчастий.

Земля, где находятся корни, далеко за границей; дальние страны производят наркотики и снабжают ими.

Ствол, вот где начинается видимая или реальная часть. Это единственный канал, по которому проходит ядовитый сок. Он проходит в основном во Франции и нескольких крупных торговых городах вроде Гамбурга или Франкфурта. Но этот ствол очень солиден, хорошо закамуфлирован и охраняем ветвями. Если нанести ему неосторожный удар, есть все шансы самому раствориться в нем.

Значит именно этот ствол нужно уничтожить и причем как можно ближе к земле, чтобы новые побеги не смогли подняться.

Ветви? Это неважно. Они сами собой засохнут, если будет срублен ствол. А сейчас надо взобраться по ним, чтобы достичь сердцевины дерева. Ветви это масса перекупщиков и спекулянтов, наполняющих рынок наркотиками. Они были неуловимыми, но их безжалостно срубали, как только возникала опасность провала.

Организаторы линии поставки только что доказали серией убийств, что они не остановятся ни перед чем, чтобы сохранить свое инкогнито. Для них человеческая жизнь ни в счет. Единственное, с чем считаются — это с прибылью от предприятия.

Есть один лишь способ уничтожить их: ответить на насилие насилием, и ещё более мощным.

Но такие методы незаконны. Потому и есть такие люди как Андерс, рискующие своей шкурой, но никем не признаваемые, если будут взяты.

«Чарли» — заурядный притон, подобный десяткам других в этом квартале. Полиция знает, что там торгуют наркотиками, как и в других местах, но не может же она наводить порядок по первому сигналу. Для этого ей нужны полномочия в двадцать раз превосходящие существующие.

Конечно, следуя циркуляру, и полиция, и отдел по борьбе с наркотиками проводят время от времени налеты. Берут одного или двух явно выраженных наркоманов, несколько сводников и их протеже, тех, кто не избавился достаточно быстро от оружия или имел несчастье сбежав из-за решетки появиться там.

Никогда не находили наркотики. Слишком легко спрятать маленькие пакетики с «белым» или «черным» [1] содержимым.

Бар, окруженный курильщиками, десяток столов, чья освещенность убывала по мере

углубления внутрь зала, танцплощадка и эстрада. Всюду лампы дневного света. «Чарли» походил на большинство таких заведений. Каждый час одна или две стриптизерки неубедительно демонстрировали свою анатомию.

Андерс уселся у стойки, неподалеку от девицы, тотчас оценившей его профессиональным многообещающим взглядом. Он проигнорировал её. Хотя прежде чем пойти дальше, он хотел вначале подцепить местную «курочку», в надежде получить хоть какие-то сведения. Машинально он подумал о Беатрис. Та отправилась в провинцию на новую презентацию, не уточнив куда. Главное было, что она вернется...

вернуться

1

Прим. перев.: «Белое» — героин; «черное» — кокаин.

Заказав скотч-тоник, Андерс перенес внимание на зал. Два десятка посетителей основательно надымили. Как обычно две — три пары гомиков, не скрывавших этого, и несколько наркоманов.

Среди них — одна молодая женщина, судя по всему, бывшая красавица, лет всего двадцати пяти. В полутьме она казалась вдвое старше. Героин преждевременно состарил её, из под кожи проступали зеленоватые кости. Настоящий ходячий труп.

Лишь её взгляд был ещё живым, хотя слишком блестящим. Она курила сигарету за сигаретой с потрясающей быстротой. Сопровождал её африканец замкнутого вида.

Занятый этой неутешительной инспекцией, Андерс не заметил, как вошел тощий мужчина во всем сером, расположившись рядом с дискотекой.

Тот, казалось, тоже не заметил Андерса. Он был занят беседой с вульгарно одетым типом лет пятидесяти. Шрам у того начинался от уха и уходил под воротничок рубашки.

Андерс нахмурился, пытаясь вспомнить, при каких обстоятельствах он уже встречал этого типа. Несомненно, они встречались совсем недавно...

Они не были представлены и не обменялись ни словом, в этом он был почти уверен. Тогда он его видел, не придав этому особого значения, только зрительная память запомнила этот персонаж. Где это могло быть?

Ответ появился внезапно:

«Аллигатор»!

Это точно, теперь он вспомнил совершенно четко. Вот так совпадение...

Вначале «Аллигатор», теперь «Чарли»...

Совпадение было очевидным. Андерс хотел узнать, кто это и что он тут делает. Но нечего было и думать спросить у бармена. Одного раза вполне достаточно.

Андерс подумал. Если он узнал мужчину, вполне вероятно, что тот в свою очередь сделал то же. В создавшейся ситуации есть только одно решение: отход на заранее неподготовленные

позиции.

Он заплатил и выскользнул прежде, чем незнакомец заинтересовался окружающим. К счастью, тот был слишком занят разговором, чтобы повернуть голову в его сторону.

Очувившись на свежем воздухе, Андерс долго глотал его, чтобы прочистить легкие.

Его часы показывали половину одиннадцатого. Он колебался. Тощий тип может провести добрую часть ночи в «Чарли». С другой стороны, если он не был там завсегдаем, подобный случай больше не представится.

В конце концов Андерс решил остаться. Подняв воротник своей куртки, он устроился на углу улочек Лепик и Робер-Планкетт. Что за имена!

Облака скрывали небо, а фонари не давали достаточно света, это позволило ему найти темный уголок и там спрятаться. Чтобы как-то скоротать время, он принялся набивать свою трубку.

Время от времени к нему подходили проститутки, предлагая согреть или отвести в уютное местечко, чтобы он не замерз. Он благодарил их и они не настаивали.

Постепенно безрезультатное ожидание навело его на мысль, что куда уютнее было бы в своей кровати. Вполне возможно, тощий тип решил преспокойно оставаться там или выйти через черный ход, если там такой есть.

По прошествии трех четвертей часа его терпение было вознаграждено. Человек, наконец, появился и направился к улице Лепик. Он был один. Андерс тотчас последовал за ним.

За время ожидания Андерс детально проработал план. Вполне возможно, незнакомец попытается убедиться, что за ним не следят. После событий последних дней все торговцы наркотиками должны быть настороже. Действовать лучше незамедлительно. Андерс ускорил шаг, чтобы преодолеть последние метры тупика и достигнуть улицы Лепик.

Ему чертовски повезло! Тощий собирался сесть за руль темного «404», дверцу которого уже открыл.

Наученный своими предыдущими неудачами, Андерс из предосторожности стал носить оружие: сверхплоский «Херстейл» 7, 65 в кобуре на поясе, под брюками.

Он рванулся вперед и резко оттолкнул незнакомца в тот момент, когда тот собирался захлопнуть дверцу. Сам же моментально выхватил пистолет.

Поначалу ошеломленный, тот также попытался вытащить свой пистолет. Андерс не дал ему этого сделать. Удар по голове и дело сделано. Каждому свое!

Андерс затолкнул его дальше на сидение, а сам уселся за руль. Быстрота, с которой все было проделано, не позволила редким прохожим что-то заподозрить. Во всяком случае они были слишком далеко, чтобы вмешаться.

Мужчина оставил ключ зажигания в замке. Андерс повернул его и поехал вверх по улице в поисках укромного уголка.

Он остановился рядом с кладбищем Монмартр, и для начала проверил карманы жертвы. Достал разные бумаги, записную книжку и «кольт» с барабаном и коротким стволом. Человека

звали Максимилиан Жерве.

Тот начал приходить в себя перед Дофин. Андерс любезно предупредил его, что «кольт» у него и он может им воспользоваться. Продемонстрировав револьвер в качестве доказательства, он спрятал его под бедро со стороны дверцы. готовый выхватить левой рукой в случае необходимости.

Жерве уже полностью пришел в себя. Он потирал затылок, корчась от боли.

— Что на вас нашло? — прорычал он. — Кто вы? Я заявлю в полицию...

Андерс оборвал:

— Я не знаю, у кого вид будет глупее, если дело дойдет до полиции...

И, поскольку тот собрался что-то произнести, он вновь прервал его:

— Не стоит утруждаться! «Аллигатор» — это что — nibудь тебе напоминает? Это ты послал парочку здоровяков на улицу Бельшасс.

— Я не понимаю, о чем вы говорите! — утверждал Жерве.

— Побеседуем немного! — усмехнулся Андерс. — Траспортировка наркотиков, укрывательство товара, значащегося в списке «В» Таможенного свода, соучастие в убийстве Джованни Мартелло, участие в убийстве Марсея Дофора, попытка моего убийства... Что ещё тебе сказать? И я более чем уверен, что список можно продолжить...

Жерве побледнел, и не только из-за полученного удара.

— Вы что, свихнулись...

Андерс пожал плечами.

— Ты объяснишь это судебному следователю, который тобой займется...

Он остановился и продолжал:

— Но прежде мы немного прогуляемся. Если я сдам тебя полиции, твои приятели будут тотчас предупреждены. Но мне кажется, что они меня интересуют больше...

Он дал Жерве время переварить его слова.

— Я позволил тебе поразмыслить немного, — добавил он. — Тебе судить, предпочитаешь ты провести лет двадцать-тридцать за решеткой, чтобы защитить типов, которые не потрудятся даже оплатить твоего адвоката...

Он безразлично покосился на пленника.

— С другой стороны, Макс Жерве не столь велика фигура, чтобы нас интересовать. Всегда хочется выловить рыбу покрупнее. Если ты сочтешь нужным, можно все уладить.

Тот ничего не ответил. Он явно лихорадочно прокручивал все в уме, чтобы вычислить, что знает Андерс точно и что правда в его предложении.

В действительности Андерс не строил иллюзий. Жерве не казался мелким проходимцем, согласным сесть за стол переговоров по первому зову в надежде вырвать помилование или согласиться понести наказание. Его необходимо убедить иными методами.

Для этого Булонский лес — неподходящее место. Слишком большое движение и много патрульных машин. Не считая простых полицейских со специально натасканными собаками, распугивающих парочки.

Андерс достиг Сены и направился к мосту Сен-Клу.

На его взгляд лес Фосс-Репоз, у выезда на Версаль, предоставлял куда больше возможностей.

Широко известный гомосексуалистам парижского региона, эксгибиционистам и всяческим маньякам, собиравшимся в окрестностях, он был деликатно непосещаем местной полицией! Недостаток средств и персонала! Нельзя сразу гоняться за плохо припаркованными автомобилями и чокнутыми...

Следуя за автомобилями, Андерс проскочил подъем к мосту, забившийся в угол Жерве не проронил ни слова. Его изможденное лицо было зловещим. Он знал, что его ожидает и должен был взвесить все за и против.

Андерс проскочил развязку и свернул на мост.

Когда они достигли вершины моста, машины, поворачивающие в тоннель, вдруг затормозили, очевидно кто-то резко перешел с одной полосы на другую.

Андерс должен был отвлечься, чтобы не врезаться в зад машины впереди.

Быстрым движением Жерве открыл дверцу и, выпрыгнув на мостовую, со всех ног бросился к тротуару.

Машины продолжали свой спуск по трассе, разделенной жирной дорожной разметкой.

Жерве проскочил перед капотом «триумфа», который резко затормозил, чтобы не сбить его. Он был от этого на волосок. Но зато грузовик, шедший по правой полосе, не успел затормозить. Его бампер, шириной с железнодорожный рельс, зацепил беглеца и бросил под переднее колесо, прошедшее по его пояснице.

Андерс предпочел закрыть глаза. Машины перед ним вновь поехали. Не собираясь стать свидетелем и объяснять причины бегства Жерве из «404», он тоже тронулся и свернул на набережную Карно, несмотря на запрещающий знак.

От Жерве немного осталось...

ГЛАВА XI

Курильщик уже не было в зале, когда Андерс вернулся в «Чарли». Как гласит пословица, куй железо, пока горячо: он решил использовать ситуацию, пока о смерти Жерве никто не знает. Даже без документов полиция сможет идентифицировать труп, если его отпечатки есть в центральной картотеке.

На всякий случай Андерс сделал крюк, чтобы положить записную книжку, бумажник и «кольт» Жерве в перчаточный ящик «BMW». Если с ним что-то случится, Марле сможет найти

машину и отыщет их.

Мешок с костями все ещё был там, так же как большинство замеченных при его первом появлении. Он спрашивал себя, какое удовольствие находят они, покрывая копотью бронхи в подобных местах. В конечном счете, это не его дело...

Даже не повернув головы в сторону бармена, Андерс бросил:

— Я хочу видеть Чарли...

Казалось, бармен его не понял, наморщил лоб.

— Простите?

На этот раз Андерс удостоил его взглядом. Он недовольно сжал губы и с нервно заерзал локтями по стойке.

— Я сказал, что хочу видеть Чарли, — произнес он, почти не шевеля губами, на манер завсегдатаев известных домов. — От Макса...

Это было из фильмов категории «В», но бармен к такому привык. Слегка кивнув, он исчез за дверью, расположенной в глубине зала и вернулся мгновением позже. Лицо его было обеспокоенным.

— Следуйте за мной...

Андерс последовал.

Дверь в глубине выходила в плохо освещенный коридор. По левой стороне было ещё несколько дверей. Одна из них, видимо, служила гардеробной исполнительницам стриптиза. Бармен остановился перед второй. Его пальцы скользнули по двери и чей-то голос буркнул:

— Войдите!

Андерс не был удивлен, констатируя, что Чарли оказался мужчиной в вульгарном одеянии со шрамом, которого он видел за разговором с Жерве. Тот сделал знак бармену их покинуть.

— Что привело вас...

Контора было превращена в салон довольно пошлого вкуса. Большое канапе царило под стеной, а в глубине был бар. Чарли не пренебрегал визитами дам... или кого-то еще.

Оставшись одни, мужчины изучающе взглянули друг на друга. Чарли прервал молчание:

— Не имею чести... — начал он вопросительным тоном.

У Андерса был богатый выбор способов поведения. Он остановился на том, который проверил на бармене и который принес плоды, ибо его немедленно приняли.

— Неважно... — бросил он с деланной небрежностью.

В кругах, где вращался хозяин заведения, это считалось открытым и грубым оскорблением. Его шрам побелел, но он снес это молча. Сказалась привычка угождать, но Андерс подумал, что он дальше не продвинется.

Видимо, тот не знал, с какого бока к нему подойти. Явно не представляя важную фигуру в генеалогическом древе организации, он должен был спрашивать себя, не стоит ли перед ним посланец Патрона. Мораль: у него совесть не чиста.

— Я только что виделся с Максом и поэтому я здесь... — медленно произнес Андерс, мысленно говоря себе, что это не будет перебором.

Чарли заметно расслабился. Проблеск интереса проскользнул в его взгляде.

— Вы мне можете поставить товар? — с надеждой осведомился он.

Андерс почувствовал, что сердце забилося чаще. Он сохранил непроницаемое и невозмутимое лицо. Никогда он не думал, что содержатель притона столь легко попадет на удочку.

— Я хотел бы, чтобы вы повторили мне то, что сказали Макс, — начал он.

Чарли заколебался. Андерс испугался, что слишком далеко зашел. Но отступить было поздно.

— Итак? — настаивал он.

— Я признаю, что мог быть резок с Максом..., - наконец сдался тот.

Андерс вздохнул с облегчением. Вот значит почему он медлил!

— Но надо понять и мою позицию, — продолжил Чарли. — Макс мне обещал, что товар я получу ещё два дня назад. Я получил лишь десятую часть того, что мне нужно. Клиенты начинают нервничать. Не только потому, что нужно обращаться к другим, но и потому, что некоторых не осталось ни грамма. Если у них наступит кризис, хлопот не оберешься.

Андерс не мог не отнести это к смерти Мартелло и исчезновению чемодана. Чувствовалась борьба кланов ни на жизнь, а на смерть.

Между тем, кое-что не совпадало. Если это Ганс Генрих и Жерар Корман ликвидировали мальтийца и исчезли с чемоданом, то как случилось, что их организация осталась без наркотиков, как утверждал хозяин?

— Я, может быть, был строг с Максом, — заключил тот. — Но мне тоже надо зарабатывать на жизнь. История, подобная этой, может нанести вред всем нам...

Андерс лихорадочно размышлял. Нормально, что Чарли входил в контакт только с Максом и не знал других членов организации, если она была верно организована. Перекупщик знает только того, кто снабжает его.

С другой стороны, углубленное знакомство с ним могло принести немалую пользу. Живущие годами в кругу наркобизнеса замечают некоторые детали или узнают больше, чем это необходимо.

— Я смогу ещё продержаться до завтрашнего вечера, — примирительно добавил Чарли. — Потом я ни за что не отвечаю...

Андерс принял решение. Он зашел уже так далеко, что немногим больше или меньше...

— Идемте со мной, — заявил он. — Я доставлю вас к тому, кому вы предъявите ваши претензии. Он вам объяснит положение вещей.

Хозяин притона, казалось, удивился его словам. Андерс тотчас понял, что сейчас допустил ошибку. Не столько по-существу, сколько по-форме. По его манере выражаться тот мог подумать, что его обвиняют в слишком настойчивых требованиях. Плохо...

— Вы не один недовольны, — продолжил Андерс, пытаясь смягчить смысл, который можно было придать его словам. — Но раз вы постоянный клиент, вполне возможно, для вас могут сделать исключение, если вы сумеете толком объяснить причину.

С лица Чарли сошло напряжение. Он кивнул и согласился.

— Идет, я поеду с вами. Только предупрежу, что отлучусь...

Он закрыл на замок дверцу картотеки, расположенной за креслом, потом занялся тем же с ящиком своего бюро.

Но на этот раз вместо того, чтобы повернуть ключ, он внезапно выдернул его. Прежде чем Андерс успел что-то сообразить, тот достал уже пистолет калибра 11, 43, курок которого взвел привычным движением.

— Сожалею, — холодно сказал он, — но есть небольшое изменение. Если кто и должен пройти, то только не я...

Андерс будто и не видел направленного на него пистолета.

— Вы неправы, — ограничился он замечанием. — Очень неправы...

В то же время он спрашивал себя, как же выкрутиться. Продолжать начатую игру, больше ничего не остается!

— По тому же поводу, я думаю, сейчас придет Макс... — начал Чарли.

Он не сомневался ещё по-настоящему, но это всегда так. Андерс подчеркнуто вздохнул.

— Могу я воспользоваться вашим телефоном? — без малейших эмоций спросил он.

— Идите туда, — сказал тот, указав на другой конец комнаты.

Не глядя на него, Андерс приблизился и потянулся рукой к аппарату.

Но в момент, когда нужно было снять трубку, его рука резко бросила лампу, стоящую на столике, а сам он укрылся за бюро.

11, 43 грохнул и пуля просвистела над ним, когда он уже упал на пол. К счастью упавшая лампа погасла. Выхватив свой «херстейл», Андерс откатился за канапе.

Чарли не допустил ошибки и не выдал своего местонахождения новым выстрелом. В темноте отблеск выстрела может осветить комнату, словно молния. Андерс прижался к стене и замер, задержав дыхание и весь обратившись в слух.

Обеспокоенный голос раздался из-за двери.

— Что такое, патрон?

Хозяин немедленно ответил, должно быть по-корсикански. Андерс не понял ни слова.

По звуку он определил, что его противник укрылся на противоположном конце бюро, там, где он находился в момент начала перестрелки. В тоже время Андерс понимал, что ситуация может стать крайне опасной, если ещё кто-то откроет дверь в коридор. Свет обязательно упадет на него, и «Чарли» останется его только продырявить.

Андерс попытался перевалиться на правый бок, чтобы выставить руку вперед и опереться в мешавшую ему преграду. Он отметил перемещение какой-то мебели, но вот расстояние толком определить не мог, все зависело от условий.

Диалог возобновился, все так же по-корсикански. Ясно, что идет подготовка.

Андерс попытался спокойно поразмыслить. Нужно как можно скорее выбираться из осинового гнезда, в котором он застрял. Трудно! У них было численное превосходство и огромное преимущество в знании места действия.

Внезапно он услышал что дверь открывается. Свет в коридоре был погашен. Прежде чем хозяин успеет выйти, нужно выстрелить... Но он понял, что это западня, удержался и не нажал пальцем на курок.

Тут двое начали стрелять от двери. Настоящая канонада, наполнившая комнату глухими раскатами. Инстинктивно он съехал за книжным шкафом, куда успел проползти.

Но слишком поздно увидел силуэт, пытающийся выйти из бюро, и выругался сквозь зубы. Его обставили! Пока сообщники стреляли наугад с обеих сторон двери, Чарли умудрился выбраться из ловушки. Теперь он был в коридоре вне досягаемости.

Зато канонада была услышана в зале. Раздались крики и призывы на помощь. Истерически закричала женщина.

Дело принимало дурной оборот!

— Брось свою пушку и подними руки! — приказал злым голосом Чарли.

Андерс почувствовал струйку пота, неприятно текущую по спине. Так сунуть голову под нож гильотины! С другой стороны, его противники могли теперь спокойно расстрелять комнату, укрывшись за дверным косяком. Рано или поздно он получит пулю.

Переполох, доносящийся из зала, оповестил о начале панического бегства. Но он не был уверен, что выстрелы слышны снаружи и что полиция предупреждена.

Андерс понял, что есть только один шанс выйти отсюда. Одним прыжком он достиг бюро и принялся на ощупь искать телефон. Найдя его, схватил и пригнулся за массивной мебелью.

В коридоре о чем-то спорили, вырабатывая окончательную тактику.

— Ты окружен! — бросил Чарли нетерпеливо. — Ты хотел нагреть меня! Если бы ты действительно был приятелем Макса, вызвали бы его вместе и утрясли вопрос...

Андерс снял трубку. К счастью была ночь и линия не занята... Пальцем он просчитал отверстия номеронабирателя и набрал «17». Ему показалось, что прошла вечность, прежде чем на другом конце линии сняли трубку.

— Служба безопасности, говорите...

Те поняли, что он пытается вызвать помощь.

— Перережь телефон! — яростно крикнул хозяин, должно быть бармену. Перережь линию, сволоочь!

Чудовищная стрельба разразилась в тот же момент у двери. Андерс ответил, чтобы доказать, что он хорошо вооружен, и препятствуя атаке.

— Говорят из «Чарли», тупик Лепик, — сказал он громко в микрофон. Есть убитые и стрельба продолжается! Поторапливайтесь!

Он повторил ещё раз название заведения и бросил трубку, чтобы ответить выстрелом по двери. Для того, чтобы полиция не сомневалась...

В коридоре содержатель и его громилы перестали вести беглый огонь-нужно было перезарядить обоймы. Они лихорадочно спорили по-корсикански, без сомнения стараясь найти решение до приезда полицейских.

С другой стороны, подобная перспектива не ободряла и Андерса.

Выстрелив в третий раз, чтобы его больше уважали, он смахнул рукой все предметы с бюро, чтобы увеличить силу звука. Потом уперся плечом в картотеку, чтобы опрокинуть её.

Два выстрела ответили ему, и одна пуля опасно просвистела рядом. Те спрашивали себя, что он задумал.

Согнув спину в ожидании выстрелов, завершающих его карьеру, Андерс рванулся и одним прыжком достиг окна. Отбросив шторы, он быстрым движением открыл его, моля небо, чтобы не было решетки.

Нет! Только ставни...

Андерс вновь нажал на спусковой курок, чтобы заглушить шум металлических створок, которые он распахнул одним ударом.

Его противники поняли и открыли бешеную пальбу, когда он уже опирался на подоконник перед прыжком наружу. Дикая боль пронзила плечо в тот момент, когда он полетел в неизвестность.

Андерс тяжело рухнул на крышку мусорного ящика, скатился на землю под грохот крышки и битой посуды. Последний раз выстрелив в гигантский оконный проем, он поднялся и принялся бежать к тому, что показалось ему выходом, зажимая рукой плечо.

Ничего серьезного. Какая-нибудь царапина. Наверняка одежда пострадала куда больше. Вдали слышались переливы полицейской сирены.

Три минуты спустя Андерс, сам не зная как, оказался на улице Верон. Первая сирена замолкла, но быстро нарастал звук второй. Он как мог старался быстро удалиться, избирая маленькие улочки, ведущие вверх к Монмартру.

Еще раз его лишь слегка коснулась костлявая рука...

Сделав полукруг, чтобы прийти к своему «BMW», он подумал, что надо срочно доставить записную книжку Жерве к Марле, чтобы тот смог извлечь максимум пользы, прежде, чем

банда узнает о смерти торговца наркотиками и о перестрелке в «Чарли».

ГЛАВА XII

Андерс посмотрел на часы и достал свою трубку. Если он прибыл вовремя, Марле не заставит себя ждать. И действительно, тот уже входил в кафе. Подав знак гарсону, уже готовившему порцию «Американо 505», он направился к столу, где ждал приятель.

Уселся со вздохом, казался уставшим и не в настроении.

— Можно сказать, что ты только и думаешь, как заставить говорить о себе! — сказал он.

— Не преувеличивай! — возразил Андерс. — Я считаю, что приложил максимум усилий, чтобы уменьшить погром...

Марле взял стакан, который только что поставил гарсон.

— Поговори еще! — проворчал он. — Труп Жерве вызвал траурную процессию и манифестацию на Пигаль. Не хватало только баррикад.

— Но ты согласишься, что в «Чарли» не было крови! — защищался Андерс. — За исключением моей.

Предпочитая жест словам, он потер плечо. В действительности, ему необычайно повезло. Пуля только царапнула верхнюю часть руки.

— Я и спрашиваю себя, как же это случилось — ты был наверное не в форме...

Андерс перебил:

— Свою точку зрения ты мне уже изложил в деталях ещё ночью, — сказал он. — Может поговорим о результатах?

Марле, казалось, хотел что-то сказать, но, в конечном счете, лишь покорно пожал плечами.

— Полиция замела всех, кто был в это время в «Чарли», — объяснил он. Незаконное ношение оружия, нарушение десятка статей кодекса, оставалось только выбирать. Владелец именуется Чарли Мурачиоли, и он уже не первый раз оказывался в переделке. Кроме того, он утверждает, что стал жертвой нападения и от него требовали дань. Описал он тебя с большой фантазией...

Андерс подумал, что Чарли должен был подобным образом подстраховаться на случай, если он действительно принадлежит к банде Макса Жерве. Видно тот и в самом деле был достаточно влиятелен, чтобы организовать в тюрьме «несчастный» случай за излишне точное описание своего посланника.

— Жерве? — обеспокоено спросил он.

— «Авторитет» со связями, но уже давно не попадался, — ответил Марле. — Настоящее место жительства неизвестно. Сейчас, то, что от него осталось, в морге. В полиции согласились пока не разглашать его личность, чтобы не создать нам трудности. Бедняга остался, по их выражению, «неизвестным без документов».

Андерс согласился. После перестрелки в «Чарли» клан сочтет, что он арестован вместе с остальными. А когда выяснят что его там нет, предположат, что он ранен и где-то скрывается.

Во-всяком случае, насторожатся они не сразу.

— Записная книжка?

Марле достал сигарету из кармана и закурил.

— Несколько имен, в основном женщин, — заявил он. — Отдел по борьбе с наркотиками занялся проверкой. Но маловероятно, что нам это что-либо даст.

Андерс не смог скрыть свое разочарование. Марле понял это и рассмеялся.

— Все же кое-что нашли интересненькое, нужно будет проверить некоторые телефонные номера, — вновь продолжил он. — Один из них несуществующий. Тогда надумали перевернуть цифры попарно и получили телефон абонента, инициалы которого фигурируют в записной книжке.

— Результат?

— Виктор Эбрар, улица Дюнкерк, — ответил Марле. — Инженер...

Андерс удивленно вскинул брови.

— Инженер..., - повторил он вполголоса.

— Пока против него ничего не предпринимали, — продолжал Марле. — Но я не удивлюсь, если он окажется каким-то образом замешан в истории Жерве. Недаром же тот поменял номер телефона и указал лишь его инициалы.

Андерс думал точно также. Его вдруг осенило:

— Он, случайно, не химик?

Марле улыбнулся.

— Я не знаю, но как раз хотел сказать тебе...

Андерс поднял руку, подзывая гарсона чтобы рассчитаться.

— Я думаю, что смогу нанести ему визит...

Марле кивнул.

— Но на этот раз я буду тебя сопровождать.

* * *

Андерс оставил свой «BMW» в запрещенном для стоянки месте на улице Фобур — Пуассоньер, неподалеку от улицы Дюнкерк. Контролер, следивший за правильностью парковки, уже потянулся за ручкой и книжкой квитанций.

— Ты позволишь ему это сделать? — ехидно спросил Марле.

Андерс пожал плечами.

— Шансов мало, но вдруг-новый президент и... амнистия!

Он проверил наличие «херстайла» в кобуре на поясе.

— Ты все так же желаешь зайти со мной?

Марле уже открыл дверцу.

— Я вполне могу быть свидетелем, когда ты превысишь степень допустимой самообороны.

Андерс ничего не сказал. Если их идея подтвердится, то маловероятно, чтобы все прошло гладко. Может быть и лучше, если они ошиблись.

Здание, соответствующее указанному Марле адресу, было относительно старым, но недавно перестроенным. Поискали консьержку. Женщина в возрасте, крупного телосложения, обладала приличными усиками и голосом, напоминающим скрип несмазанной буфетной двери. Запахи, окутывавшие её, не оставляли сомнений в её знаниях по части крепких напитков.

— Что вам угодно? — проскрипела она без всякой любезности.

Андерс изобразил улыбку.

— К мсье Эбрару, пожалуйста.

Женщина бросила на них критический взгляд. К счастью, Марле не очень походил на шпика.

— Его нет, — отрезала она без всяких комментариев.

Андерс сделал очень расстроенный вид.

— Это ужасно, — протянул он. — Вы не знаете, когда он вернется?

Консьержка покопалась в своих засаленных волосах.

— Он здесь, как бы это сказать, не живет, — ответила она. — А зачем он вам?

— У нас дело по его работе. — заявил Андерс.

Взгляд женщины сразу стал подозрительным.

— По его работе? — прорычала она. — Да он уже год на пенсии. И с тех пор он лишь изредка сюда заходит.

Андерс понимающе кивнул, Марле следом.

— Мы об этом знаем, — заверил он. — Но мы хотели предложить ему работу. В каком-то смысле, приработок...

Консьержка вытерла свои сальные руки о передник. Судя по виду последнего, уже не в первый раз.

— Я не знаю, имею ли я право... — произнесла она, глядя на Андерса.

Постукивание ногой внесло ясность. Андерс уже подготовил купюру на такой случай и достал её из кармана.

— Мы бы очень хотели, чтобы он сумел нам помочь, — сказал он. — Мы работаем над

созданием...

— Я считала, что он работал химиком..., - вмешалась она.

— Мы нуждаемся в его анализах, — уточнил Андерс.

Купюра исчезла в крючковатых пальцах женщины.

— Я пересылаю его почту на проспект Форс, по дороге на Буффемон, в Домоне, — ответила она, — номер 95; я думаю, что это Валь-д-Изель или что-то в этом роде.

Мужчины поблагодарили её и вышли на улицу.

Вернувшись к «BMW», Андерс с наслаждением разорвал прищипленную штрафную квитанцию и швырнул её в сточную канаву.

— Я высажу тебя на бульваре Батиньоль? — предложил он.

Марле смерил его испытующим взглядом.

— А ты?

Андерс рассмеялся.

— Догадайся...

* * *

Лежащий в двадцати километрах от Парижа, на Национальной автостраде номер 1, Домон представлял собой один из спальных пригородов, какие вырастают вокруг столицы. Неудобные земли были засыпаны, чтобы выстроить здания из кирпича и бетона. Здесь надо было ждать добрых три года, чтобы поставить телефон.

Расположенная на возвышенности, где тянется лес Монморенси, застройка не совсем обезобразила природу. Там ещё сохранились части старых крестьянских построек и ферм, напоминающие о временах, когда пригород был деревушкой Иль-де-Франс.

Несмотря на отсутствие указателей, Андерс отыскал проспект Форс. Тот отходил от дороги на Буффемон сразу же за деревушкой, что подтверждало сложность адреса, сообщенного консьержкой с улицы Дюнкерк.

В действительности проспектом он был только по названию, его вид скорее напоминал старые римские дороги, а единственным преимуществом было расположение в стороне от шумных трасс. За исключением крольчатников и нескольких полей, там был только один дом, смахивавший на то, что искал Андерс. Большое старинное здание из камня, окруженное подобной же стеной и стоящее посреди зарослей колючего кустарника.

Андерс спустился к железным воротам и притормозил у входа.

Чувство самосохранения требовало для начала установить наблюдение за местностью, но Марле согласился, что полицейские машины быстро их выдадут. Лучше действовать в расчете на эффект внезапности, без вмешательства сил правопорядка, которое лишь напрасно всполошит преступный синдикат, если гнездышко окажется пустым.

Андерс вышел из машины и позвонил в большой колокольчик, подвешенный на столбе.

Результат немедленно заявил о себе в образе немецкой овчарки с лоснящейся шерстью и прекрасными клыками. Зверюга немедленно залилась лаем.

Вот и обитатель дома вышел выяснить, в чем дело.

Старичок лет шестидесяти, с виду заспанный, был одет в закрутившиеся вокруг ног панталоны и свитер с проеденными молью дырками. Все в нем говорило о заброшенности и нечистоплотности, включая очки, подвязанные тряпочкой.

Андерс поначалу стал озадаченно спрашивать себя, не ошибся ли он адресом. Но восковое лицо старика и ненормально блестящие глаза выдавали наркомана.

— Что вы хотите? — обеспокоено спросил он.

Голос был робким, дрожащим. Он успокоил лающую собаку.

— Спокойно, Блэк! Спокойно...

Андерс набрался наглости важно заявить:

— Я только что от Макса.

Трюк прошел с содержателем «Чарли». Почему бы не попробовать ещё раз?

Старичок поглядел поверх своих очков, и Андерс подумал, что первое впечатление могло быть ошибочным. Химик, увиденный вблизи, походил на облезлого койота, но койота хитрого.

— От Макса? — протянул он с присвистом. — И что вы хотите?

Отступить Андерс не мог. Он решил невозмутимо продолжать игру.

— Это ты — Эбрар, или нет? — спросил он. — Макс дал мне поручение.

Эбрар не удивился, а протянул руку сквозь решетку.

— Ладно, давай...

Андерс бросил на него испепеляющий взгляд.

— Не здесь...

Тот пожал плечами и принялся открывать.

— Как хотите. Входите...

Овчарка недоброжелательно косилась на икры Андерса, но держалась на расстоянии. Тот шагал за химиком по аллее, засыпанной гравием до самых ступенек крыльца.

В доме их встретило идиллическое создание. Насколько старик был отвратителен, настолько девушка восхитительна. Не старше двадцати, с тонкими чертами лица, с телом ещё немного детским, но уже чутко отзывавшимся, как только на него обращали внимание...

Тем не менее в её черных глазах таилась какая-то грусть. Будто улыбаться она была обязана по

команде.

— Моя дочь Линда, — представил Эбрар мимоходом. — А это друг...

Андерс спросил себя, как у такой старой развалины может быть такая дочь. Природа преподносит иногда забавные сюрпризы!

Эбрар прогнал собаку, желавшую погреться в доме, и пригласил Андерса войти. Они прошли в холл, где явно давно не работали метлой.

— Сюда..., - указал химик на дверь в комнату — настоящую свалку расшатанной и разрозненной мебели.

При виде грязных чехлов на креслах Андерс испугался, что ему предложат сесть.

— Что за поручение от Макса? — ограничился вопросом Эбрар.

Андерс решил половить рыбку в мутной воде.

— Макс велел тебе приготовить товар для передачи посредникам, безапелляционно заявил он. — И ещё ты должен вернуть мне пакет.

Расставив пробные вешки, Андерс решил подождать результата. Он заметил, что снаружи проходит телефонная линия. Маловероятно, но Эбрар мог запросить разъяснений, что наведет его на нужный след. Если он позвонит, чтобы получить подтверждение, с прослушиванием дело как-нибудь уладят ведь звонить отсюда нужно через коммутатор...

Но результат оказался совсем не тем, которого он ожидал.

Скрипучий голос прозвучал у него за спиной:

— Руки вверх!

Вот так штука! Андерс медленно повернулся и узнал бандита, которого оглушил в квартире на Бельшасс. По документам тот именовался Антуаном Комити. Сейчас он направил на Андерса маузер, точно такой же, как был у него несколько дней назад. Мрачное выражение лица указывало на то, что он ни секунды не промедлит с выстрелом.

— Руки вверх! — повторил он нетерпеливо.

Андерс повиновался. У него не было шанса повторить свой трюк, противник, казалось, решил не дать себя провести.

— Повернись к стене, — приказал он. — Обопрись руками и расставь ноги.

На этот раз он не будет рисковать. Опыт-лучший учитель.

Внимательно следя за противником в надежде, что тот совершит ошибку, Андерс перестал интересоваться Эбраром.

И как будто потолок вдруг обрушился на голову!

У него не было времени спросить себя, чем химик угостил его по черепу.

Пол ринулся навстречу со скоростью звука, и он сразу перестал чем-либо интересоваться.

ГЛАВА XIII

Андерс быстро пришел в сознание.

Как ни странным это может показаться, у него даже не болела голова. Эбрар, должно быть ударил, на уровне мозжечка, и несильно, а это не оставляет следов.

Очутился Андерс в пустой комнате, на полу. Отсутствие занавесок и ставней на окнах позволило понять, что сейчас ещё день.

Он был один. Руки были связаны за спиной таким образом, что не позволяли сделать ни малейшего движения. По солидности обвязки и из-за её липкости, Андерс понял, что вместо веревок использовали лейкопластырь.

Ноги тоже были связаны на уровне коленей. Он попытался освободить руки, просунув их под ноги, но очень быстро отказался от этой затеи. Невозможно...

Ценой многочисленных падений он сумел все же встать на ноги и допрыгать до окна. Повернувшись спиной, попытался зацепить за шпингалет. Тщетно. И тогда он понял, что это ничего не даст, ибо рамы были забиты.

Его действия, пусть и проводимые с величайшей предосторожностью, были услышаны. Ключ повернулся в замочной скважине. В открывшуюся дверь вошли Комити и Эбрар. Бандит с видимым удовольствием направил на него свой маузер. Что до химика, то безумно блестящие глаза выдавали, что он все ещё находится под действием принятого наркотика.

— Садись! — с хмурым видом предложил Комити, взмахнув оружием.

Андерс подчинился, У него не было иного выбора.

— Я не думаю, что вы журналист, хоть так значится в ваших документах, — произнес Эбрар, медленно приближаясь к нему. — Журналисты не разгуливают с пистолетами и не заявили бы сюда. Кто вы на самом деле?

Андерс хранил молчание. Марле дал ему двадцать четыре часа. Слишком мало шансов, чтобы он забеспокоился раньше завтрашнего утра. И теперь Андерс спрашивал себя, дотянет ли он до тех пор, если хозяева возьмутся за него как следует.

— Ты будешь отвечать? — прорычал бандит и шагнул вперед.

Эбрар жестом успокоил его.

— Это не существенно..., - сказал он. — Через несколько часов...

Теперь он обращался к Андерсу:

— Не мне решать, что делать с вами, — объяснил он. — Но я почти уверен, что от вас захотят узнать, кто вы и каким образом попали сюда. Вот почему я не стал дожидаться и начал сам...

Он рассмеялся мелким скрипучим смехом, и садистская гримаса исказила его отвислые губы.

— Когда вы не сможете больше выносить мучений, то сами будете умолять меня сделать вам

укол и все расскажете, лишь бы получить дозу...

Несмотря на внешнее спокойствие, Андерс охватил страх. Пока химик, очевидно, ждет насчет него приказа. Там не будут долго пребывать в неведении, что он сотрудничает со службой по борьбе с наркобизнесом. Они постараются перебазироваться, прихватив его с собой. И Марле придется побегать, прежде чем найдет его...

— Что ты думаешь об этом? — дребезжащим голосом спросил Эббар. Небольшой эксперимент над «журналистом»...

Он сделал знак Комити, который тотчас навалился на Андерса, чтобы перевернуть его ничком.

Андерс попытался увернуться и ударить связанными ногами, чтобы заставить повозиться с ним. Но веревки не оставляли ему широкого поля деятельности. Он получил тяжелый удар по затылку, потом кулаком в живот. В полубессознательном состоянии он почувствовал, что бандит одной рукой давит на горловой хрящ, и безуспешно попытался вывернуться.

— Это вам знакомо? — ласково спросил химик.

Андерс видел, что он достал шприц, частично наполненный прозрачной жидкостью, по виду похожей на воду.

— Хлоргидрат диацетилморфина, — уточнил тот тем же голосом.

Героин!

Полузадушенный, Андерс попытался защищаться. Но это было безнадежным делом. Давление на его кадык увеличилось, а удар ноги в пах заставил закричать.

Он едва почувствовал укол в предплечье, осознав, что все закончилось, когда бандит отпустил его, оставив корчиться на полу.

— Хорошенько позабавься! — усмехнулся Эббар, убирая шприц в маленькую металлическую коробку.

Они вышли из комнаты. Щелкнул замок.

Прошло не больше минуты, как ушел химик, а уже проявились первые признаки действия наркотика на тело и мозг. Ноги странно одрябли — чувство приятное и почти томящее. Затем эффект перешел на все его тело, медленно и ощутимо нарастая...

Поначалу Андерс пытался бороться с одурью, но теперь убедился в тщетности своих усилий. Мало — помалу его способность к сопротивлению угасала.

Нет больше никаких забот... Ничего, кроме все нарастающего чувства наслаждения. Все его тело, казалось, пребывает отныне в тепле и спокойствии. Все волнения стерлись, все возмущения пропали. Андерс позволил унести себя по ласкающим волнам эфира.

Его тюрьма осталась далеко, далеко, далеко...

* * *

Эббар прекрасно знал время, когда действие наркотика прекращается. Он пришел с новой дозой в наступающих сумерках вечера.

Андерс знал, чем рискует от передозировки: несчастный случай с серьезными повреждениями мозга, затруднение дыхания, цианоз, остановка дыхания, и, в конечном счете, смерть...

Он все это знал, но его сознание стерло все, как и в первый раз, после нового укола. Химик точно рассчитал дозу.

Андерс понимал, что ещё не дошел до необратимого состояния. Нужно будет немало новых уколов, прежде чем без них он не сможет даже дышать.

Но до каких пор он сумеет протянуть?

* * *

Лишь глубокой ночью Андерс спустился на землю.

Он обнаружил, что все также лежит на голом полу в той же комнате. Значит Эббар не получил ещё инструкций насчет него.

Его мучала тошнота, вызванная реакцией организма на воздействие яда. Тем не менее ощущение было слабее, чем в случае с опиумом. Андерс попробовал тот в несколько приемов в курильне, чтобы знать его действие. Если действие опиума, морфина и героина было моментальным, то так же быстро и исчезало.

Эббар не должен прийти раньше утра, чтобы сделать третий укол. Несмотря на затуманенный разум, Андерс попытался рассмотреть ситуацию более обстоятельно.

Он ещё не был во власти наркотика — это произойдет только через некоторое время. Конечно, героин начал свою чудовищную работу, поскольку химик на дозы не скупился. Но это ещё не опасно. Стефан Марле был в курсе его визита и знал адрес.

На что надеяться? Марле не предпримет ничего раньше утра, когда забеспокоится, не получив от него известий. До тех пор может произойти столько всякого... Эббар не станет тянуть с выходом на контакт с хозяевами. Но как только это будет сделано, то последует мгновенная эвакуация.

Андерс знал, что они его не оставят. Тогда...

Если они его захватят с собой, это будет не лучший выход. Андерс знал, что не сможет долго сопротивляться, если его будут продолжать накачивать наркотиками. Его воля здесь не поможет. У него её просто не останется.

Одно горькая мысль пришла ему на ум. Все эти размышления исчезнут после следующего укола. Героин вновь унесет его в мир иллюзий, где ничто не имеет больше смысла.

Но пока ещё он по другую сторону барьера.

Его тело болело от не подвижности, вызванной путами. Его плечи отдавали болью при попытке перевернуться на спину. А естественная нужда начала заявлять о себе все серьезнее. В таком состоянии, ему не оставалось ничего другого...

Тут внезапно ключ медленно повернулся в замке.

Выгнув позвоночник, Андерс разочарованно хмыкнул. Химик не забыл о нем! Он попытался перевернуться, чтобы посмотреть на дверь. И не смог сдержать восклицания.

Дочь Эбрара не иначе сошла с ума!

Одетая в простую ночную сорочку, едва закрывающую тело, с бледным и напряженным лицом, она приблизилась к нему, босая, с блуждающим взглядом. Приглушенный свет изменил черты лица, глаза сверкали необыкновенным блеском.

А в руке у неё был нож...

* * *

Линда Эбрар остановилась в метре от него, губы чуть приоткрыты, нож направлен на него.

Андерс спрашивал себя, должен ли он закричать, чтобы привлечь внимание других обитателей дома и не стать окровавленным куском мяса.

В этот момент девушка поднесла палец к губам.

— Не шумите, — прошептала она. — Я сейчас вас развяжу.

Прошло несколько секунд, прежде чем до Андерса дошел смысл её слов. Он чуть было не рассмеялся нервным смехом. Надо полагать, что его мозг ещё здорово затуманен наркотиком. То, что он принял за безумие, оказалось предосторожностью, чтобы бесшумно пройти к нему, а приглушенный свет луны искажал её черты.

— Повернитесь и попытайтесь вытянуть руки, — выдохнула она на ухо, заходя сзади.

Андерс с трудом пошевелился. Он почувствовал, что она просунула нож меж запястий и старается перепилить лейкопластырь. Она чувствовала себя неуверенно, очевидно из-за боязни его поранить.

— Не бойтесь, — ободрил её Андерс. — Если заденете кожу-неважно.

Действительно, затекшее тело стало совершенно нечувствительным. Она могла перерезать ему вены, и он бы этого не почувствовал.

Нож резал, но не слишком быстро. Андерсу казалось, что прошли уже часы.

Наконец последний узел сдался и руки освободились.

Андерс с трудом удержался, чтобы не выразить свою радость.

Его руки слишком долго оставались без движения и он практически не мог пошевелить пальцами. С трудом он потер одну руку о другую, чтобы восстановить циркуляцию крови.

— Теперь ваши ноги, — сказала Линда, обойдя его.

С ножом в руке, она склонилась перед ним, чтобы разрезать последние узлы. Сорочка немного отошла от тела и он увидел её развитые и острые груди, раскачивающиеся при каждом движении.

Реакция на это зрелище успокоила Андерса. С этой стороны наркотик не оказал своего действия.

Он частично вернул подвижность своим пальцам, когда девушка закончила освобождать его

колени, и неловко поднялся на негнущихся ногах.

Свободен! Пятью минутами раньше он об этом и не мог помышлять.

— Спасибо! — выдавил он, пытаясь сбросить остатки лейкопластыря, прилипшие к ладоням.

Линда Эбрар смотрела на него ни говоря ни слова, с теперь уже не нужным ножом в руке. И вдруг она испуганно вскрикнула, её рот и глаза округлились.

— Мерзавка! — прогремел голос Комити от двери. — Я не сомневался, что ты попытаешься сыграть с нами подобным образом!

Бандит только что появился в дверном проеме. На нем была незастегнутая пижама, открывавшая волосатый торс, а в руке неизменный маузер.

— Потаскуха! — прохрипел он. — Ну, ты у меня дождешься. Иди сюда!

Андерс понял, что подобный случай ему больше не представится. Была не была...

Вложив всю силу в бросок, Андерс воспользовался тем, что Комити смотрел на девушку, нагота которой отчетливо проступала сквозь сверхтонкую ночную рубашку.

Проходимец выстрелил в тот момент, когда кулак Андерса обрушился на его руку, чтобы отвести выстрел.

Андерс попытался использовать свое небольшое преимущество, чтобы захватить шею бандита в замок. К несчастью его пальцы были ещё задеревенелые и получилось это плохо. Яростно рыча, Комити высвободился и ударил изо всех сил.

У Андерса перехватило дыхание и он понял, что переоценил свои силы.

После нескольких минут этого странного сражения он был полностью оглушен, и бандит верхом на нем с дикой радостью пытался его задушить.

Андерс прекрасно понимал, что надо выбраться, но его мускулы отказывались подчиняться мозгу. Ему уже не хватало воздуха, взгляд затуманивался.

Внезапно руки его противника утратили хватку. Глухо захрипев, он внезапно откинулся назад, качнулся пару раз и вновь тяжело рухнул на Андерса.

Тот собрался и оттолкнул тело, затем приподнялся на локтях и тряхнул головой, чтобы прийти в себя. Рядом с ним Комити валялся лицом вниз и больше не шевелился. Рукоятка ножа торчала у него из спины.

Андерс поднял глаза на Линду Эбрар. Стоя у его ног, девушка неотрывно смотрела на труп, покусывая руки, будто не придя в себя.

Он очухался быстрее, чем можно было думать, но опыт уже показал, сколь обманчиво это впечатление. Подобрал маузер, оброненный бандитом, Андерс встал.

Девушка осталась в том же положении, словно загипнотизированная смертью. Андерс, подойдя к ней, положил руку на плечо.

— Идемте..., - мягко произнес он, не переставая наблюдать за дверью.

Если у дома достаточно толстые стены, чтобы звука выстрела не было слышно снаружи, то такого не произойдет с Эбраром. Было удивительно, что химик ещё не примчался.

Тут внезапно девушка оказалась в объятиях Андерса, содрогаясь от беззвучных рыданий. Как и раньше, близость её обнаженного и волнующего тела, прикосновение её груди действовало на него мгновенно. Тем не менее он отодвинулся.

— Ваш отец... Он может войти.

Линда покачала головой.

— Этот омерзительный старик никогда не был моим отцом! — прошептала она. — Они силой заставляли меня жить с ним здесь.

Она вздрогнула.

— Дважды я пыталась бежать, но они находили меня. И не стоит говорить, что мне пришлось испытать...

Андерс взглянул на дверь, не опуская пистолета.

— Есть риск, что он явится посмотреть, — заметил он. — Где его комната?

Девушка брезгливо усмехнулась.

— Его опасаться не стоит! — убежденно сказала она. — Когда он загрузится наркотиком, как сейчас, не отдаст отчета, даже если дом рухнет.

— Нет кого-нибудь еще?

Она сделала отрицательный жест.

— Где спит Эбрар? — не успокаивался он.

— На первом этаже.

Идя впереди девушки, Андерс спустился по лестнице. Она указала ему на дверь, оставшуюся полуоткрытой. С пальцем на курке он вошел и включил свет.

Химик спал на спине, посередине большой кровати, белье на которой явно не меняли несколько месяцев. Ртом, раскрытым как у карпа, вынутого из воды, он издавал звуки, подобные бульканью переполненной канализации.

Пока Линда копалась в комод, чтобы надеть пенюар, Андерс схватил его за воротник грязной пижамы и небрежно встряхнул.

Эбрар проворчал что-то, не просыпаясь, и потер лицо рукой, покрытой пятнами экземы — явной реакции, спровоцированной действием наркотиков при их приготовлении. Андерс подумал, что жизнь в его компании не должна доставлять особой радости.

— Что вы хотите от него узнать? — спросила девушка. — Может быть, я смогу ответить. Он в таком состоянии пробудет ещё несколько часов.

Андерс счел, что после происшедшего может ей довериться. Но она прильнула к нему, не дав

даже задать вопрос.

— Если тебя интересует лаборатория, я знаю, где она.

ГЛАВА XIV

Андерс взглянул на девушку.

— И ещё много вы знаете о подобных вещах?

Линда грустно улыбнулась.

— Достаточно...Этот омерзительный старик не умел держать язык за зубами. И немало времени мне приходилось его терпеть...

Андерс бросил взгляд на химика. Он понимал её горечь.

— У вас есть лейкопластырь?

Девушка вошла в ванную, расположенную по-соседству, и вернулась с кругом липкой ленты. Андерс принялся связывать Эбрара. Для большей надежности он нанес ему удар рукояткой пистолета по голове. Было не время для сантиментов.

Закрыв дверь на ключ, он спустился вслед за девушкой вначале в гостиную, затем в подвал. Она, казалось, забыла о том, что не далее как четверть часа назад убила человека.

Под удивленным взглядом Андерса она передвинула многочисленные шкафчики и пустые бутылки и сдвинула картину на стене, повернувшуюся на оси.

Не нужно было быть ясновидящим, чтобы понять, что там такое. Сильный кислый запах гниющих фруктов выдавал присутствие опиума.

Линда знала, где находится выключатель и зажгла свет.

Тайник был достаточно велик. В углу пакеты с белыми кристаллами хлорида кальция, склянки с уксусной кислотой и ацетоном. На лабораторном столе хаос кристаллизаторов, реторт и пробирок. Сливные баки возле раковины были полны. И над всем этим распространялся одуряющий запах опиума, вьёвшегося даже в грязные стены.

Андерс повидел достаточно, чтобы с первого взгляда узнать лабораторное оборудование для переработки наркотиков.

Опиум, как правило, представляет из себя темную массу с характерным запахом. Это сгущенный сок, полученный из круговых надрезов на зеленых головках сонного мака. Еще он бывает коричневатым порошком, содержащем до пятидесяти процентов вытяжки, или двадцать процентов морфия.

Его получают растворением опиума в холодной воде, чтобы избавиться от различных примесей и солей. Затем раствор обрабатывают кислотой и хлористым кальцием. Так получается хлоргидрат морфия, а соль получают тщательной кристаллизацией и последующим выпариванием.

В результате получают белые кристаллики горьковатого вкуса, мало растворимые в воде.

Затем переходят от морфия к героину, печально знакомому зелью, воздействуя уксусной кислотой. Окончательный продукт хлоргидрат диацетилморфина, кристаллический белый порошок.

Андерс понимающе кивнул. Да, все компоненты были здесь. А их количество позволяло судить о размахе производства. Не один десяток килограммов опиума или морфия-сырца был переработан со дня основания лаборатории.

Выйдя оттуда, Андерс нашел воздух подвала едва ли не благоуханным по сравнению с удушьем тайника. Девушка оставалась снаружи и не двинулась с места за все время, пока он занимался осмотром.

— Где телефон? — спросил он.

Она, видимо, заколебалась, прежде чем ответить:

— Наверху.

Теперь дело достигло той стадии развития, когда он больше не мог действовать один. Продолжать отныне предстояло бригаде по борьбе с наркотиками. Эббар не может не знать, для кого он занимался переработкой. Наконец-то можно нанести удар по верхушке!

И, одновременно прояснить историю убийства Джованни Мартелло и исчезновения чемодана на Лионском вокзале.

Девушка провела его в комнату, где находился телефон. Они не обменялись ни словом до тех пор, пока он не вызвал нужный номер.

Стефан Марле был у себя. Вкратце Андерс описал ему часть своих находок. Офицер СТР заверил, что прибудет как можно быстрее, с командой по борьбе с наркотиками и полицией, запустив одновременно в действие все колеса административной машины.

Когда он повесил трубку, Линда несколько раз мотнула головой.

— Вы из полиции, не так ли? — робко поинтересовалась она.

Андерс, словно извиняясь, кивнул.

— Скажем, их дальний родственник...

Она пожала плечами и решительно вздохнула.

— Во всяком случае, я предпочитаю тюрьму обществу Эббара.

Андерс успокаивающе улыбнулся.

— Я не думаю, что вас могут задержать надолго, даже после того, что здесь произошло, — заявил он. — Не забудьте, что вы действовали только с целью самозащиты и спасая мне жизнь...

Она не казалась убежденной, но поблагодарила, смущенно моргнув.

— Неважно.

Андерс не хотел её более убеждать, но полиции не составит труда подтвердить необходимую степень самообороны после рассказа о том, что она знает.

Какое-то время они стояли друг против друга и смотрели.

Затем, сами не зная как, прижались друг к другу, впившись губами в губы и одинаково сгорая от желания.

Ведь полиции для прибытия понадобится не меньше часа.

И Андерс забыл обо всем, кроме теплого и желанного тела девушки, задыхаясь в исступлении отдавшейся ему.

* * *

Каравелла застыла на посадочной полосе аэропорта Марсель-Мариньян, против длинного здания аэровокзала.

Пьер Дарсонваль был среди первых пассажиров, покинувших самолет.

Этот мужчина высокого роста, с озабоченным и решительным лицом, был одет с подчеркнутой элегантностью. В его походке обнаруживалась естественная легкость, кейс в руке был явно не из рядового магазина. Небольшой рубин украшал заколку галстука.

По его виду можно было догадаться, что Пьер Дарсонваль — весьма важная персона.

Генеральный президент-директор немалого числа важных — но не состоявших на заметке у полиции — акционерных обществ более или менее анонимного характера, он был известен в финансовых кругах столицы, где пользовался завидной репутацией. О нем говорили, что он достаточно лишен щепетильности, чтобы заняться грязными делами, когда это необходимо.

«DS» ожидал его, управляемый человеком, которого можно счесть за личного секретаря или референта. Однако, наметанный глаз сразу же мог отметить чуть просторноватый крой пиджака его костюма.

Пиджака, который не нужно расстегивать и под которым может находиться достаточно объемный предмет в кобуре подмышкой...

— Добрый вечер, Версуа, — сказал Дарсонваль, садясь в машину. — Итак, что у нас?

«Секретарь» уселся за руль и направил автомобиль к автостраде.

— Его взяли сегодня утром, когда он вернулся, — сообщил он. — Он прятался со дня приезда Мартелло.

Дарсонваль выбрал сигарету в своем портсигаре и закурил.

— Что он говорит? — осведомился он тем же ровным голосом.

Тот жестом как бы заранее извинился.

— Я вас предупреждал, мы уверены, что речь шла о нем, — ответил он. Но он оказался тверже, чем можно было предположить...

Дарсонваль нахмурился.

— Вы меня удивляете, Версуа, — небрежно заметил он. — Вы же знаете прекрасно, что время поджимает. Товар нужно найти как можно быстрее. Судно меня ждать не будет, а наши американские друзья до сих пор всегда нам доверяли.

Версуа согласно кивнул головой.

— Я не отвечаю за ошибки, совершенные на Лионском вокзале, — бросил он.

Тон Дарсонваля стал более холоден.

— Я достаточно вам плачу, чтобы вы были разборчивее в выборе своих сотрудников, — сказал он. — Очень сожалею, что мне самому приходится вмешиваться.

Он затянулся сигаретой, затем продолжил:

— Впрочем, у меня сложилось впечатление, что ситуация за последние дни значительно ухудшилась. Новые события начинают беспокоить. Кто-то слишком близко к нам подобрался...

«Секретарь» чувствовал себя все менее уютно.

— Полиция? — наугад спросил он.

Дарсонваль нетерпеливо отмахнулся наманикюренной рукой.

— Я не думаю, что это бригада по борьбе с наркотиками, — сказал он. У меня есть кое-кто в полиции...

— Друзья Мартелло?

Бизнесмен раздавил сигарету в пепельнице машины.

— Вполне может быть, — заявил он. — Но с таким же успехом это могут быть таможенники или американцы. Это в их стиле.

На какое-то мгновение он прервался, затем продолжил:

— Как только текущие дела будут закончены, нужно отправить ваших сотрудников в отпуск и подготовиться к... полной реорганизации.

«DS» вышел на национальную автостраду номер 113 и теперь направлялся к Пенн Мирабо. Водитель молча наблюдал за хозяином. Без сомнения он спрашивал себя, найдется ли место для него в ходе этой новой «реорганизации».

— Куда вы его отправили? — спросил Дарсонваль спустя некоторое время.

— В План-де-Кук, — ответил тот. — Укрытое местечко...

Дарсонваль кивнул.

— Надеюсь мне не нужно напоминать, что мое имя не должно произноситься...

* * *

Сельский дом, расположенный в глуши между План-де-Кук и Шато-Ромбер, принадлежал некоему Доминику Коломбиани, корсиканцу по происхождению и марсельцу по воспитанию.

Луиджи Пинелли был привязан к стулу в одном из сводчатых подвалов, полуголый, с руками, вывернутыми назад за спинку. Лицо и усы были обагрены запекшийся кровью, текшей из множества ран. Ссадины, усыпавшие его сильное и безобразно обросшее тело, наводили на мысль о пытках, которым его подвергли. Он, казалось, уже не способен был сопротивляться, голова бессильно повисла на грудь.

Дарсонваль безразличным взглядом окинул эту картину. Он просто отметил, что Версуа не лгал, утверждая, что сопротивление узника было значительно большим, чем у простых смертных. Мало кто мог вынести и четверть этого.

«Секретарь» подошел к Луиджи и, схватив за волосы, грубо задрал его голову. Глаза того уже потеряли всякий интерес к жизни. Резкий тон Дарсонваля, казалось, едва вывел его из оцепенения.

— Где товар?

Толстяк слабо покачал головой. Его пересохшие и разодранные губы раскрылись.

— Не знаю...

Дарсонваль сделал шаг вперед.

— Не рассказывай мне сказки, — оборвал он. — Мои люди не выпускали Мартелло из поля зрения всю дорогу. Чемодан, который ты ему вернул на вокзале в Марселе, был набит песком...

— Ничего не знаю..., - простонал узник.

«Секретарь» ударил его ребром ладони по горлу, чтобы тот замолчал.

— С другой стороны, я знаю, что вы получили товар в порту, — продолжал невозмутимо Дарсонваль. — Что вы с ним сделали?

Вместо ответа Луиджи пробурчал что-то нечленораздельное.

«Секретарь» собрался вновь ударить его. Дарсонваль знаком остановил его и направился за своим кейсом, оставленным им на столе у входа. Открыв его, достал две маленькие коробочки, которые показал Версуа.

— Это новое средство из Германии, — объяснил он. — Значительно эффективнее пентонала...

* * *

Двадцать минут спустя Пьер Дарсонваль знал все, что хотел.

Несмотря на все неприятности он не мог не снять шляпы перед хитростью Мартелло. Жаль, что тот почувствовал себя всесильным...

Мальтиец заметил слежку, предметом которой он стал по прибытии в Марсель. Тогда он позвонил Луиджи Пианелли, чтобы предупредить его и попросил подготовить два чемодана, один с морфием-сырцом, а второй — с песком.

Опасаясь атаки преследователей по пути, Мартелло решил отправиться в дорогу с чемоданом, наполненным песком, чтобы охладить их пыл.

А морфий должен был отправиться тем же поездом, но в багажном вагоне. Для большей надежности Луиджи отправил квитанцию в «Киетюд-Отель» в Париже, куда он же звонил, чтобы зарезервировать комнату для Мартелло.

Таким образом, наркотики хранились в багажном отделении Лионского вокзала, а квитанция — в маленьком парижском отеле...

Какие тут сомнения?

Дарсонваль указал на Луиджи, все ещё привязанного к стулу.

— Постарайся сделать так, чтобы его не нашли, — сказал он Версуа. Сейчас отвези меня в отель. Завтра утром мы должны первым самолетом вылететь в Париж...

ГЛАВА XV

Пьер Дарсонваль и Морис Версуа ранним утром спустились по трапу в Орли. Они сели в машину Пьера Дарсонваля, которую он накануне оставил на стоянке у аэровокзала. «Секретарь» сел за руль и машина направилась в Париж.

Патрон решил действовать сам, и без промедления. До сих пор он всегда перекладывал на других дела как второстепенные, так и опасные. Но создавшиеся условия требовали избежать риска потери товара, пока не наведен порядок в организации.

«Киетюд-отель» оказался небольшим зданием в семнадцатом округе, наполовину семейным пансионом, наполовину отелем для приезжих. Версуа представился как получатель письма и оплатил комнату, которую якобы заказывал. От него почти ничего не потребовалось. Не дождавшись клиента, портье уже собирался вернуть письмо на почту.

Квитанция находилась внутри.

Дарсонваль и Версуа отправились на Лионский вокзал. Пока они пробирались среди многочисленных пробок, Патрон мысленно занялся расстановкой всего по своим местам. Жизнь повернулась к нему оборотной стороной. Даже если его теперешняя организация не прогнила до конца, он должен рассматривать её как обреченную и действовать таким образом, чтобы полиция не смогла на него выйти.

Вот, кстати, химик, занятый превращением морфия-сырца в героин...Выбор Эбрара был отчасти случаен, но сейчас он незаменим. Только он один мог в срок выполнить работу. Американцы ждут чистый героин, не морфий.

Дарсонваль прикинул, что осталось очень мало времени до его отъезда в Соединенные Штаты, намеченного на послезавтра. Квитанция была в машине, но ещё предстояло переработать весь товар в героин. Эбрару, без сомнения, придется работать всю ночь. Перспектива солидного вознаграждения без труда убедит его.

Но прежде необходимо было удостовериться, что ничто не вышло из под контроля за время его отсутствия. Лучше отдать морфий американцам, чем совать голову в клетку, если полиция нашла химика и установила наблюдение за домом в Домоне. Достаточно позвонить, чтобы определить, чисто ли там...

На Лионском вокзале Дарсонваль ожидал в машине, пока Версуа занялся получением багажа.

Тот был уже переправлен в разряд невостребованных и Патрон слегка заволновался, не видя возвращающегося «секретаря». Наконец, тот появился в сопровождении носильщика.

Дарсонваль должен был сдержаться, чтобы не открыть чемодан, когда тот был помещен на заднее сидение автомашины. Наконец-то все улажено...

Часть потерь от реорганизации будет возмещена тем, что не нужно платить Джованни Мартелло.

Вообще-то мальтиец — потеря невозполнимая, но...

Мало думая о мыслях Патрона, Версуа занял место за рулем и повел машину с величайшей осторожностью. Было не время попадать в аварию, или даже мелкое столкновение, чтобы не привлечь внимания слишком любопытных полицейских.

Медленно продвигаясь среди пробок, они достигли наконец ворот Сен-Клу. Бульвар Рейн известен был вечными заторами в обоих направлениях.

Машина преодолела подъем и медленно пошла вниз, пассажиры даже не обратили внимания на ещё не совсем стершееся темное пятно.

Дарсонваль жил в роскошной вилле в шикарном квартале Сен-Клу. Улица на склоне, очень спокойная, с видом на Сену и бульвар Булонь. Версуа едва остановился и вышел, чтобы открыть въездные ворота, как многочисленная группа людей окружила машину, держа руки в карманах габардиновых пальто.

Дарсонваль все понял и невольно побледнел.

Пока двое полицейских брали «секретаря», ещё один открыл дверцу со стороны Патрона и показал трехцветное удостоверение.

— Мсье Пьер Дарсонваль?

— Но...

— Полиция, — оборвал комиссар. — Прошу следовать за мной.

К Дарсонвалю вновь вернулся его непроницаемый и отрешенный вид.

— Я не вижу, чем могу...

— Поберегите ваши аргументы, — прервал его полицейский. — Они вам ещё пригодятся.

Дарсонваль сознавал, что ещё одна страница перевернута, но пытался говорить свысока, как обычно.

— Это вам дорого обойдется...

Комиссар кивнул и с легкой улыбкой указал на большой чемодан.

— Думаю, не так дорого, как вам, — заметил он.

Дарсонваль сообразил, что он в курсе многих вещей.

— Могу я, по крайней мере, позвонить моему адвокату? — спросил он.

Полицейский отрицательно покачал головой.

— Не сейчас, — возразил он. — Через некоторое время...

* * *

Допросы велись с исключительной корректностью. Их разделили при аресте и без шума препроводили в камеры управления полиции. Прибытие прошло незамеченным.

Ни один журналист не был допущен. Под градом вопросов, ослепленные стоваттными лампами, ни один из них не получил права пригласить адвоката или сделать хотя бы один телефонный звонок.

Таким же образом от них скрыли, что именно признания старого химика и его «дочери» позволили выйти на них и раскрыть дело. Впоследствии ещё будет время для очных ставок.

Полиция решила как можно дольше хранить тайну их ареста. Птички были пойманы на месте преступления с поличным, подтвержденным изъятием чемодана морфия-сырца. Дело было одним из крупнейших и наиболее успешных.

И не нужно, чтобы просачивалась информация, позволяющая их сообщникам бежать или укрыться. Их арест должен остаться в неизвестности до захвата остальных членов организации.

Комиссар, возглавивший расследование и допросы, тотчас понял, что атаковать Дарсонваля бесполезно. Патрон укрылся за высокомерным молчанием. Но ему не приходилось питать ни малейших иллюзий, тут никакие связи не помогут. Рано или поздно он сломается.

Но время было дорого. Первый осмотр бумаг Дарсонваля позволил выяснить, что на послезавтра намечено его отплытие в Соединенные Штаты.

Слабым местом организации оказался Морис Версуа.

У комиссара был своего рода нюх на такого рода типов и богатый опыт работы с преступниками. И ещё он знал, что разумные уступки могут дать куда больше, чем прямой напор.

Стоит скостить десяток лет срока одному, чтобы взять десяток преступников, особенно если время поджидает...

Версуа согласился на сделку за полдня.

* * *

Андерс и Стефан Марле сидели друг против друга с бокалами.

У офицера СТР, несмотря на предыдущую бессонную ночь, лицо блаженно сияло.

— Помощник Дарсонваля раскрыл карты, — объяснял он. — И теперь полиция готовит окончательный удар во Франции...

Андерс отметил эту оговорку.

— Дарсонваль должен сесть на корабль завтра, направляясь в Соединенные Штаты, — продолжал Марле. — Обследуя его машину, мы нашли тайник под задним сидением. Туда они должны спрятать героин на время путешествия. Прекрасная работа.

— Есть имена получателей в Нью-Йорке?

Марле нахмурился.

— Здесь самое слабое место, — ответил он. — Версуа не смог дать точных сведений на этот счет.

— А Дарсонваль?

— Продолжает молчать, — вздохнул Марле. — Он, конечно, разговорится, но будет слишком поздно...

Андерс сердито нахмурился.

— Что ты хочешь сказать?

Марле хотелось отвести взгляд.

— Арест Дарсонваля прошел гладко и нет причин беспокоиться, что его исчезновение будет замечено, ибо Версуа взяли одновременно с ним, а завтра они должны отправиться в путешествие, — объяснил он. — Слуги, нанятые им, не знают о его темных делишках и согласились сотрудничать с кой полицией, если потребуется отвечать на вопросы.

Он прервался на какое-то мгновение, затем продолжил:

— Версуа, само собой, также согласился сотрудничать и устроился на вилле с двумя агентами, чтобы отвечать на телефонные звонки, если те будут...

Андерс начал догадываться, что задумал Марле.

— Куда ты клонишь? — тем не менее спросил он.

— Вот в чем дело, — замялся тот. — Мы подумали, что вполне можно отправить автомобиль, как и предполагалось, с сахарным песком или лактозой с хинином вместо героина. Чтобы тайник не был пуст.

Андерс рассмеялся и покрутил пальцем у виска.

— И это сойдет? — иронизировал он. — Ты все ещё веришь в Деда Мороза! Даже если Дарсонваль согласится войти в игру и отправится с машиной, нет никаких шансов...

Марле жестом остановил его.

— Дай мне вначале договорить. Версуа утверждает, что организация была тайной до такой степени, что американцы никогда не встречались с Дарсонвалем. Раньше поставки осуществлялись через посредников. Получатель знает только имя Дарсонваля и номерной знак его автомашины. Они даже не знают, как он выглядит.

Андерса передернуло от неубедительности довода.

— А по-моему это все притянуто за уши, — заметил он.

— Версуа сообщил нам также пароль для связи, — добавил Марле. Дарсонваль должен выйти на связь сойдя на берег, сразу как только получит машину...

Андерс поморщился.

— Мне кажется, это твоя идея — отправить машину? Если верить тому, что произошло в аэропорту Кеннеди несколько дней назад, слежка может очень быстро выйти боком...

Марле тотчас перебил.

— Машина будет снабжена передатчиком, чтобы пеленгаторы из ФБР её не потеряли, — объяснил он. — С другой стороны, подложный Дарсонваль будет держать миниатюрный передатчик при себе. Наконец, если джи-мены чуть задержатся, у него останется последний козырь, который можно будет использовать в критический момент...

Андерс насмешливо вздохнул.

— Ты действительно думаешь, что найдешь добровольца?

Марле стыдливо взирал на свои ногти.

— Что касается американцев, это твой профиль...

ГЛАВА XVI

Парадоксально, забастовка докеров, произошедшая в НьюЙорке, облегчила прохождение полицейского контроля и американской таможни.

У прибывших хватало забот с багажом, чтобы таможенники или чиновники из иммиграционной службы приставали к ним ещё с чем-то. Его багаж даже не открывали, а в паспорт на имя Дарсонваля тут же был поставлен штамп, открывший перед ним двери Нового Света.

Получить «DS21» оказалось сложнее. Тем не менее, поскольку Андерс из осторожности был в последних рядах покидавших корабль, то оказался в первых рядах получающих. Там все также было пустой формальностью.

После подписания последних соглашений паспортные процедуры для французов, прибывающих в Соединенные Штаты, значительно упростились.

Оставалось двадцать пять минут до полудня, когда Андерс смог сесть в машину. Из-за забастовки набережная была пустынна, но в большем беспорядке. Андерс не старался высмотреть ни джи-мена, обеспечивавшего его безопасность, ни человека, с которым должен был выйти на связь. Пеленгаторы уже должны были засечь его передатчик. Впрочем, у них был номер машины, а «DS» не так часто встречается на улицах Нью-Йорка. Приходилось только ждать развития событий.

Разместив чемодан и поставив рядом с собой кейс, Андерс сел за руль, чтобы подъехать к ближайшей заправке. Чтобы создать вид честного делового человека, он не был вооружен.

В ходе путешествия Андерс получал новости только через информационный бюллетень. Ни в

одном из них не было и намека на арест Дарсонваля, или что-то связанное с наркотиками в Париже. Казалось, сведения до сих пор не просочились.

Он уже собрался уезжать, когда перед капотом появился человек и дал знак остановиться. Андерс повиновался.

— What's the matter? — Что случилось? — спросил он с ударениями на французский манер, когда человек подошел к дверце.

У того было банальное незапоминающееся лицо, костюм без излишеств, строгого темного цвета. Он поднес два пальца к краям шляпы.

— Мсье Пьер Дарсонваль?

Андерс кивнул, вопросительно глядя на него.

— Мое имя Бен Девис, — заявил мужчина. — Джон Смит просил меня помочь вам найти дорогу.

Он с трудом изъяснялся на французском, и произношение было ужасным.

— Джон Смит очень любезен, — ответил Андерс, выполняя то, что ему было предписано. — Он сказал вам, что я останавливаюсь в отеле, расположенном на углу Сентрал Парк?

— Я полагал, что он рассчитывает сам оказать вам гостеприимство...

Все было соблюдено точно. Андерс пригласил Девиса в машину и тот обогнул капот, чтобы сесть рядом с ним.

— Плавание прошло удачно?

Они обменялись любезностями, пока заправщик наполнял бак. Потом Андерс выехал из доков.

— Как вы будете вести меня? — спросил Андерс.

— Сразу же после выезда повернете направо, — подсказал спутник, — на Миллер Хайвэй...

Группа полицейских собралась немного дальше, возле машин, стоявших вдоль стены склада.

— Это не нас ждут, — уверил его Девис. — Они здесь из — за забастовки, на случай, если произойдут беспорядки.

Порт покинули без происшествий. Андерс ехал так, как ему подсказывали, к Манхеттену. Он не оставил без внимания бежевый «крайслер», стартовавший следом и двигавшийся с той же скоростью. Речь не могла идти о полиции, получившей указание осуществлять наблюдение на расстоянии.

— Мне кажется, нас пасут, — хмуро заявил он.

Девис обернулся, чтобы бросить взгляд назад.

— Друзья, — объяснил он. — Их нечего бояться.

* * *

Андерс начал испытывать некоторое беспокойство. Он с сомнением спрашивал себя, не потеряли ли джи-мены его след.

Сразу же после Баттерси Парк, почти рядом с островом Манхэттен, Бен Девис предложил ему свернуть, чтобы встать в очередь на паром на Стейтен Айленд. Одно из судов уже готово было отплыть. За охранявшим их «крайслером» погрузиться смогли лишь ещё четыре машины и один фургон.

Уже в Ричмонде Девис указал ему на мост Верразано, ведущий в Бруклин. Они тогда миновали Кони Айленд и направились к мосту, позволяющему добраться до Рокуэй Бич.

Если они организовали это с целью оторваться от преследования, Андерс не нашел бы лучшего способа. Если предположить, что фургон, въехавший на паром, принадлежит ФБР, то лишь он теперь мог продолжать наблюдение. Другие машины джи-менов уже никак не смогут вовремя их настичь. Только гений смог бы перебросить их через мост Верразано на другую сторону залива.

Чтобы точно определить местоположение передатчика в движении, необходимы минимум два пеленгатора. С одной машиной, особенно в городе, это становится затруднительным. Во всяком случае, трудно определить с большой точностью.

Так что Андерсу нужно было рассчитывать на худшее.

В свою очередь Девис стал то и дело указывать ему, когда нужно сменить направление. Сзади «крайслер» был на своем посту.

Чтобы ободрить себя, Андерс говорил, что трудностей не предвидится до тех пор, пока не проверят содержимое тайника «DS» и не определят, что в нем сахарный песок.

Теперь они ехали вдоль Атлантического побережья, где катились серые волны с пенными гребешками. Андерс предпочитал Флориду.

Через некоторое время Девис указал на большой белый дом, возвышавшийся посреди обширной лужайки, окруженной крашеным деревянным забором. Как и весь квартал, этот дом был, несомненно, старинным, превращенным в прекрасное жилище по мере разрастания города.

— Это там, — указал сопровождающий. — Сверните на аллею и направляйтесь к гаражу.

Андерс в душе вздохнул. Определить местоположение с помощью пеленгатора не так легко.

Он послушался и затормозил перед закрытой дверью гаража, тогда как «крайслер» в свою очередь въехал в аллею, чтобы остановиться позади «DS».

— Выходите, — сказал Бен Девис. — Один из наших парней сейчас поставит вашу машину и принесет чемодан.

Один из пассажиров «крайслера» уже открывал гараж, а другой уселся за руль «DS».

Кто-то уже ждал их у входной двери, тип гориллы с низким лбом, который, должно быть, только что покинул своих четвероногих родственников в джунглях Африки. На лице его запечатлелась гримаса, по-видимому, своего рода улыбка; он провел их в салон, стены которого были сплошь покрыты чучелами рыб.

Кроме другой гориллы с таким же низким лбом, которая, казалось, спрашивала на какой ноге танцевать, в комнате были ещё двое.

Один — маленький пузан на коротких ножках с отеком лица. Его смуглая кожа и угольно-черные глаза выдавали средиземноморское происхождение. Итальянец или грек...

И ещё создание, подобное тем, что видишь в мужских журналах, сидело в кресле, перекинув ногу на ногу. Блондинка с крепкой торчащей грудью, с немного усталой улыбкой звезды, слушающей правила игры в любовный треугольник.

Толстячок с улыбкой от уха до уха протянул руку.

— Как себя чувствуете, дорогой друг? — осведомился он дружелюбно. — Я надеюсь, что путешествие было прекрасным...

— Великолепным, — подтвердил Андерс, пожимая его залитые жиром пальцы. — Счастлив вас видеть...

По ходу он отметил, что тот не представился и не счел нужным произносить имя Дарсонваля. Возможно, из-за того, что они были не одни.

— Садитесь, — пригласил итало-грек, указывая на кресло и жестом обвел комнату.

— Вы уже знаете Бена, — продолжал он. — Вот Телма, Ник и Сэм... Ник, принесите нам выпить, чтобы отметить событие.

Андерс заметил, что все уже пропустили по стаканчику. Он ответил на приветствие девушки, уселся и поставил свой кейс рядом, тогда как толстяк свалился в соседнее кресло.

— Здесь вам приготовили лишь небольшой домашний завтрак, — заявил он. — Но сегодня вечером я устраиваю маленькую вечеринку в вашу честь. Вот увидите...

Андерс пытался полностью войти в шкуру Дарсонваля. Тот не оценил бы подобного рода банкет с представителями американский уголовного мира. Плохо для сохранения инкогнито.

Тип, названный Ником, подкатил столик на колесиках, переполненный всякого рода бутылками и стаканами. Андерс выбрал «Олд Кроу».

В этот момент хлопнула входная дверь. Бен Девис, находившийся у окна, наклонился, чтобы посмотреть.

— Это Паскье, — сообщил он.

Андерсу показалось, что он специально адресовался к нему, но не придавал особого значения.

Горилла, именуемый Сэмом, пошел открывать. Он вернулся несколько мгновений спустя в сопровождении сорокалетнего мужчины, высокого и тонкого в кости. Тот окинул комнату взглядом, полным удивления.

— Он ещё не приехал? — спросил он, нахмутив брови.

Внезапно его глаза от Бена Девиса устремились на Андерса и остановились на нем.

— Кто это? — спросил он крайне взволнованно.

Андерс понял! Но и другие тоже. Первым отреагировал Бен Девис, сунувший руку под пиджак. Толстячок повторил общее движение. Он выпрямился, рот перекосялся.

Секунду царило молчание.

— Это не Дарсонваль? — спросил он, указывая на Андерса.

Тот, кого называли Паскье, слегка усмехнулся.

— Ни в коем случае! — ответил он.

Затем добавил:

— Если вы хотите знать мое мнение, похоже пахнет жареным!

Андерс лихорадочно размышлял. Он не мог знать достоверно, смогли ли джи-мены сохранить контакт и слышат ли они слова, передаваемые миниатюрным передатчиком, вшитым в одежду.

Как бы там ни было, пора срочно выкладывать козырь, припасенный на крайний случай. Незаметно он потянулся рукой к кейсу, стоящему у ножки кресла.

Бен Девис уловил его жест и вынул «кольт 45», который направил на него.

— Без штучек! — процедил он сквозь зубы, свирепея лицом.

Кивнул в сторону только что прибывшего, прорывав:

— Паскье, взгляните-ка, что там.

Для начала тот шагнул за спинку кресла и прошелся по одежде Андерса, чтобы убедиться, что у того нет оружия. После этого взял кейс и приблизился к толстяку.

Пусть ситуация и разрядилась, обе гориллы тем не менее достали оружие. Андерс поднялся.

Паскье уже сорвал ремень кейса и открыл оба замка. Андерс следил за его действиями.

Он бросился за кресло в тот момент, когда открывалась крышка.

Грохот взрыва заглушил треск «колты 45» Бена Девиса. Андерс почувствовал нетерпимую боль в бедре, когда рухнул на пол. Не обращая внимания на боль, он дернул карманчик, украшавший его пиджак.

За секунду огромные клубы дыма заполнили комнату. Прозвучал выстрел, но пуля врезалась в пол возле его головы. Андерс прижал карманчик ко рту и ноздрям. Тот был пропитан противоядием от парализующего газа, выделяемого бомбой из кейса.

В теории...

Газ должен был действовать мгновенно. Были ещё выстрелы, показавшиеся ему очень отдаленными, но он был уверен, что стреляли в комнате.

Его тело и мозг, казалось, утратили свой вес и вообще принадлежали кому-то другому.

Андерс успел ещё подумать, что фильтр, сделанный химиками, отнюдь не совершенен.

И потерял сознание.

* * *

Пришел он в себя без всякого желания.

Мало того, что ему казалось, будто в горле застряла кость, легкие и бронхи словно были набиты песком с морскими ежами и иглами. Что до боли в голове, разламывающей черепную коробку, её нельзя было сравнить с той, что пронизывала его, при попытке пошевелить левым бедром.

— Он приходит в себя..., - произнес кто-то странно искаженным голосом.

Сквозь застилающую глаза пелену Андерс различил человека в белом, склонившегося над ним. Ему казалось, что он узнает Патрика Салливана, начальника бригады Отдела по борьбе с наркотиками, сотрудником которого он являлся.

Вне сомнений — галлюцинация...

Человек в белом подsunул руки и приподнял его. Затем к его губам поднесли стакан.

— Выпейте.

Что-то вонючее. Андерс подумал, что его желудок вывернет наизнанку. Но питье было действенным и пелена, застлавшая глаза, стала исчезать.

Андерс осознал, что находится в комнате с белыми стенами, возможно, клинике или госпитале, Потому рядом и был Патрик Салливан, окруживший его заботой.

— Не пытайтесь говорить, — сказал тот, садясь на край кровати. Подождите, пока силы восстановятся...

Предупреждая вопрос Андерса, он уточнил:

— Всего лишь чистая дырка в мышцах. Ничего серьезного. Нет кровотечения, и кость не задета. Вы отделаетесь рубцом, не более.

Он прищурился.

— Через несколько дней вы сможете вернуться и нежиться в обществе вашей парижской манекенщицы.

Андерс с трудом выговорил:

— А остальные?

— Взяты, — ответил Салливан. — Мы пытались их накрыть уже несколько месяцев. Толстячек, принимавший вас, именуется Майком Сикарди. Полагают, что он один из хозяев торговли наркотиками на Восточном побережье...

Он рассмеялся.

— К пятистам граммам героина, что оставались в тайнике «DS», в доме «отыскали» достаточное количество наркотиков, чтобы возбуждение дела было обоснованным.

Андерс не счел нужным спрашивать, что он подразумевает под словом «отыскали». Во всяком случае, уже вошло в привычку адвокатов преступников заявлять, что полиция подсунула наркотики, чтобы обвинить их клиентов.

— Обошлось без стрельбы?

— Тем, что находились снаружи, пришла в голову отличная мысль посмотреть, что происходит в доме, — объяснил он. — Нужно было только вытащить их, как и всех остальных...

По лицу Салливена скользнула гримаса.

— Пришлось серьезно поволноваться, когда вы направились на паром, идущий в Стейтен Айленд, — продолжал он. — К счастью, один из наших фургонов успел переправиться вместе с вами.

Андерс подумал, что определил правильно, что только тот мог принадлежать джи-менам и был начинен радиопеленгаторами.

— С другой стороны, уже сыгранный с нами спектакль в аэропорту послужил нам уроком. Мы предвидели, что они попытаются уйти от погони, продолжал Салливан. — Мы расположили несколько машин в укрытии, чтобы быстро реагировать на изменение маршрута. В частности, одна машина была в Ричмонде, на связи с остальными по рации.

Он улыбнулся.

— Это означало, что две машины с радиопеленгаторами вновь следовали за вами, когда вы миновали мост Верразано...

Андерс мысленно поблагодарил того, кто придумал разместить машину в Стейтен Айленде.

— Остальное, — заключил Салливан, — было делом времени, мы перегруппировались и обратились за помощью к полиции Рокуэй Бич. Я должен признать, что у нас был тяжелый момент, когда поняли, что вы попали в переделку.

— Можете поверить, мне было не легче! — заметил Андерс.

И действительно, он спрашивал себя, как бы все закончилось, не будь у него кейса, или если открывать тот пришлось бы самому.

Лучше не думать об этом...

Салливан поднялся.

— Теперь я вас оставляю, чтобы вы выкручивались сами, — заявил он.

Андерс удержал его.

— Если вам не составит труда, я хотел бы отправить телеграмму.

Мысль Салливана отправить его на поправку в Париж была не глупа. А Беатрис наверняка уже спрашивает, что с ним случилось...